

ФЭНТЕЗИ
МАГІЯ

Николай Ярыгин
**ПОСЛЕДНИЙ
ХРАНИТЕЛЬ**

Фэнтези-магия

Николай Ярыгин
Последний хранитель

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Ярыгин Н. М.

Последний хранитель / Н. М. Ярыгин — «Издательство АСТ»,
2021 — (Фэнтези-магия)

ISBN 978-5-271-48576-3

На планету в результате пробоя между мирами пришел враг. На его устранение пришлось бросить наемников, вот и оказался наш соотечественник Сергей Дешин в этой роли без своего на то согласия. Схватки, война, дуэли, любовь – все переплелось у Сергея в этой реальности. Но судьба целенаправленно толкает к тому, для чего и выдернула из привычного мира. Вот только выживет ли он, выполняя задачу? А ведь победитель получает всё.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-271-48576-3

© Ярыгин Н. М., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава первая	11
Глава вторая	16
Глава третья	21
Глава четвертая	26
Глава пятая	32
Глава шестая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Николай Ярыгин

Последний хранитель

Серия «Фэнтези-магия»

Выпуск 29

© Николай Ярыгин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Экскурсанты пока еще бодро шагали по горной тропе, смеялись и переговаривались, но я знал, что скоро это прекратится, начнут уставать и поневоле замолчат. Будут только тяжело дышать, вытирать пот и думать о том, что скорей бы привал. Уж это я знаю точно, в свое время достаточно побегал по горам в составе РДГ отдельного батальона «Тень» ГРУ ГШ МО России. Маршрут экскурсии был проложен очень грамотно, после небольшого подъема следовал горизонтальный переход, затем снова подъем, и так несколько раз. Но усталость у неподготовленных туристов все равно возьмет свое.

Вот чего я, спрашивается, поперся в этот поход, сидел бы себе сейчас у моря да пил холодное пиво. И ладно бы гор не видел и это была бы для меня экзотика, так нет же. А все это моя новая знакомая Света уговорила, ну я и поддался, если честно, то не сильно и жалею, правда, мог бы проводить свой отпуск с большим комфортом.

Первый отпуск за несколько лет, и тот еле выбил. Шеф вечно загружал меня работой под завязку, правда, и платил достойно, а когда увидел мое заявление на отпуск, повел себя так, будто я нанес ему личную обиду. Мы с ним вначале просто тихо поспорили, потом уже орали друг на друга, и лишь когда я заявил, что уволюсь, он подписал мне заявление.

– Сережа, ты там хоть не долго будь, сам же знаешь, зашиваемся, уйдут заказы к другим, будем лапу потом сосать.

– Ну, посмотрим, Вадим Николаевич, скучно будет – вернусь, – ответил я и поспешил скрыться, отрезав его от себя дверью кабинета.

– Сережа, ну что, подписал? – спросила меня его секретарша Верочка, симпатичная девчонка с аппетитной попкой.

– Попробовал бы не подписать, – хмыкнул я и поспешил в кадры оформить отпуск.

Вечером позвонил другу семьи, вернее отцову другу, и попросил, если может, помочь устроиться в какой-нибудь пансионат на черноморском побережье, были у него знакомые в этой сфере. Отпуск хотелось провести с комфортом и не мыкаться по съемным квартирам, а так, чтобы и в номере убрали и столовая рядом с нормальным меню. А не за три километра и не с курицей гриль, которую подогревают с прошлого сезона, были прецеденты. Я вообще-то в еде непривередливый и есть буду что дадут, знали бы, что приходилось есть, сдавая курс по выживанию. Но в отпуске ограничивать себя не собирался.

Так что ровно через день я загрузил вещи в свою машину и отправился к югу, где солнце, море и загорелые незнакомки. А что, парень я не старый, мне всего-то двадцать семь лет, холостой, не обделенный ни внешне, ни финансово. Трасса стелилась под колеса, я обгонял, меня обгоняли, настроение было отличное, я приоткрыл окно и, напевая какую-то незамысловатую песенку, тихо радовался жизни.

Отец мой помимо моей матери был еще женат на своей службе, и в редкие его отпуска мы ездили в деревню к его родителям. Правда, там было настоящее раздолье, я, быстро перезнакомившись с местными пацанами, влился в их коллектив и так же ходил с ними за грибами и земляникой в лес, на речку, учился скакать на лошади, полоть сорняки на грядках и упивался парным молоком.

А после окончания школы поступил в Московский пограничный институт ФСБ России, вот тогда я и поехал впервые на море, сдав документы и выяснив, что зачислен. После третьего курса распределился на факультет «Управление оперативно-боевой деятельностью подразделений специального назначения ФСБ России». Гоняли нас нещадно, теория, теория... потом практика, где вбивали в головы через руки, ноги и остальные участки тела ту же теорию, и так все пять лет.

После окончания и получения лейтенантских погон меня вызвали в кабинет замначальника училища по кадрам, и находившийся там военный с пронзительным взглядом поинтересовался, не хочу ли я продолжить обучение. Я не раздумывая дал согласие, после чего меня и еще трех человек посадили в микроавтобус с затонированными стеклами и повезли вначале на военный аэродром. А затем самолетом АН-26 перевезли на одну из закрытых баз, где и продолжилось наше обучение.

Тут уже учили всяким специфическим навыкам – как быстро провести вербовку, как задавать вопросы и распознавать неправду, как из продающихся в магазине и аптеке в свободном доступе товаров изготовить взрывчатое вещество и много чему еще. После года обучения я влился в отдельный батальон особого назначения «Тень».

Первая моя командировка пришлось на республику Перу, где в дебрях лесов находилась небольшая база, на которой содержалась парочка наших высокопоставленных военных и один дипломат, это была операция возмездия. Любой, кто решится предать свою страну, должен понимать, что за ним рано или поздно придут. Операция прошла чисто и быстро, с нашей стороны даже раненых не было, бросив пару мертвых колумбийских наркоторговцев для отвлечения внимания, мы так же тихо ушли.

А потом закрутилось, я мотался по стране, и даже в близлежащем зарубежье. И после нашего визита кто-то из явных врагов моей страны или носитель секретов первой категории, которого нельзя было посадить из-за боязни распространения этих секретов, тихо умирали. Кто-то попадал в автокатастрофу, у кого-то случался сердечный приступ, кто-то неосторожно пользовался газом, что приводило к взрыву одного, а некоторые умудрялись отравиться утренним кофе и даже утонуть, принимая ванну.

Жизнь была насыщена неожиданностями, приключениями с запахом крови и смертей. Приходилось резаться и с морскими пехотинцами пиндосов, и с особой воздушной службой, сокращенно SAS, спецназом наглов, и с бармалеями в Сирии. Могу сказать одно, что германский спецназ GSG-9 – один из лучших на Западе, после нас, конечно. Да все они после нас, и это не бахвальство, вы где-нибудь слышали или читали, что кто-нибудь из тех, кого я перечислил, оставаясь прикрывать отход группы, отстреливался до последнего, а потом еще взрывал себя вместе с врагами? Или мог вызвать огонь на себя, понимая, что он погибнет в девяноста девяти процентах из ста.

Родители мои за время моей учебы, а потом и службы, тихо отошли в мир иной, я был у них поздним ребенком. Мама вообще рано ушла, по моим представлениям, дожив всего до шестидесяти, отец после ее смерти заскучал и так же тихо умер у старшей сестры на руках. Я отдал сестре родительскую четырехкомнатную сталинку и заверил ее, что я не буду претендовать на эту жилплощадь, все-таки у нее два пацана и девочка, а сам переехал в их двухкомнатную хрущевку. Оформили, как положено, все документы, и я, закрыв квартиру, снова умотал в командировку. Вот в одной из таких командировок в южной стране я и нарвался на очередь из АК-47 китайского производства. Две пули прошли под ключицей, одна разорвала легкое.

И отправиться бы мне к праотцам, да, на счастье, находился недалеко наш передвижной госпиталь, там мне и сделали первую операцию, а потом уже отправили самолетом в Москву в центральный военный госпиталь. Затем несколько месяцев в госпитале, потом период восстановления, который тоже занял немало времени. При желании я мог бы остаться в армии,

допустим, в штабе, перебирать бумажки. Но все же, подумав, решил уйти в запас и осваивать какую-нибудь гражданскую специальность.

Так я и оказался в рекламном агентстве «Юлия», поначалу присматривался, но затем как-то быстро стал начальником одного из отделов, а потом и замом гендиректора. Платили мне неплохо, и со временем на карточке появилась довольно солидная сумма, да и на службе я имел солидную зарплату. По ночным клубам и кабакам я не зажигал, спиртного употреблял очень мало, интересовался рыбалкой и большую часть свободного времени проводил на водоемах области. Ну и периодически слушал упреки от сестры в том, что не женюсь и что пора бы уже и деток завести. На что отмахивался и, смеясь, отвечал, что у меня пубертатный период и женилка еще не выросла. Она махала рукой и пару недель эту тему не поднимала, после чего снова начинала меня стыдить.

– Вот нет у тебя, Сережка, серьезности. Миша, ну хоть ты ему скажи, – пыталась она подключить к уговорам своего супруга. На что тот смеялся и все твердил:

– Серега, не ведись, им лишь бы окрутить нас, а потом заездят.

– Вот я и смотрю, тебя, заезженного, с дивана не стонишь, – тут же переключалась она на мужа. – Вот станешь старым скрюченным дедом, кому ты нужен будешь, – говорила она под наш с Михаилом хохот. – Ой, да ну вас.

И уходила на кухню, начиная в сердцах тарыхтеть посудой. Да я и сам иногда подумывал над этим, глядя на пап, гуляющих с малышами, но как-то вот не попадалась мне такая, которую хотелось бы повести под венец.

Остановившись на одной из заправок, я долил в бак машины бензина, заскочил в туалет и купил стаканчик кофе и, выходя из двери, столкнулся с компанией из четырех парней. Один из них вроде бы случайно толкнул мою руку, державшую стаканчик с кофе, и тот выпал под ноги компании.

– Смотри, куда прешь, придурок, – заорал другой из них.

– Вы не хотите извиниться? – придержав того, кто выбил у меня кофе, спросил я.

– Да пошел ты, смотреть надо, куда лезешь, – стряхивая мою руку, ответил тот. Скандалить не хотелось, я просто посмотрел в сторону касс, и одна из работающих там девушек громко крикнула:

– Мужчина, идите, я вам сделаю кофе вне очереди.

Я вернулся к стойке.

– Не связывайтесь вы с ними, они тут часто к проезжающим цепляются, бывали случаи, что даже кого-то избивали, – прошептала она мне.

– Спасибо за предупреждение, – тихо проговорил я и, получив еще стаканчик кофе, расплатился и вышел из помещения к машине. Выпив кофе, бросил стакан в урну и снова сел за руль. Через пару километров увидел, что меня догоняет БМВ седьмой модели с сидящими в ней моими обидчиками.

Обогнав, они стали прижимать мою машину к обочине, блокировали довольно умело, наверное, делали это не в первый раз. Уйти от них не составляло труда, и машина позволяла, и экстремальному вождению я был очень хорошо обучен, но меня стала раздражать навязчивость парней. Я притормозил, достал из бардачка «Гюрзу» и, загнав патрон в ствол, сунул пистолет сзади за ремень джинсов. Из БМВ выскочили все четверо парней, один достал из багажника битую, и двинулись к моей машине.

Если эти идиоты начнут лупить по машине, я не знаю, что с ними сделаю. Машину я приобрел совсем недавно, и она была моей гордостью. Регистратор у меня работал, так что кто на кого напал в случае чего будет видно, отстегнул ремень и, открыв дверь, вылез им навстречу. Выйдя вперед, поинтересовался, что они хотят.

– Сейчас объясним, – проговорил тот, что был с битой, и замахнулся. Я, не дожидаясь удара, сместился к нему под правую руку и ударил его в печень, он сразу же сложился и упал

под ноги нападавшим. Те недолго думая кинулись на меня всем скопом. Самого ближнего ухватил при попытке удара за руку и толкнул на следующего. Пока они там разбирались, где чья рука-нога, поймал третьего на противохвате, ударив предплечьем под челюсть, и тот, совершив кульбит, упал, больно ударившись спиной и при этом выбив из легких весь воздух. Затем, без затей добавив по удару ногой лежащим в обнимку, бил, сдерживаясь, так, чтобы не нанести увечий и, не дай бог, никого не убить. Потом достал пистолет.

– Не надо, мужик, – с трудом просипел тот, что ударился спиной, – не стреляй.

Наверное, он подумал, что я хочу их перестрелять, я же спокойно прострелил все четыре колеса БМВ.

– Еще раз увижу вас рядом с собой, то же самое будет с вашими головами, – пригрозил я. Сел в свой «лендкрузер» и, объехав романтиков с большой дороги, отправился дальше. Настроение было испорчено, вот развелось этой плесени. Конечно, стало их намного меньше, чем в девяностые. Но все равно есть, и ведь не грабить меня хотели, так, показать свою силу и значимость.

Думаю, после встречи со мной они немного притихнут, настроение я им тоже испортил. Подумав об этом, я засмеялся, и настроение мое снова стало прежним.

По приезде заселился в пансионат «Солнечный» и тут же решил навестить пляж, кинул в пакет плавки и отправился знакомиться с пляжем, морем и загорелыми незнакомками. Быстренько переодевшись в кабинке, я чуть ли не с разбега кинулся в море. А что вы хотите, море я вижу пусть и не в первый раз в своей жизни, но в то время, когда я бывал рядом с ним, отвлекаться от задания не имел права. Так что мог только смотреть в его сторону, и то не всегда.

* * *

– Гелара, как вы могли не заметить этого пробоя, почему, скажите, вы не обезвредили этого жреца? Что теперь делать?

Седой благообразный пожилой мужчина встал с кресла, в раздражении прошелся по огромному залу и, вернувшись на место, снова посмотрел на молоденькую женщину.

– А открыто вмешаться мы не можем, запрет высших, если нарушим, развеют. Только через кандидата, а его попробуй еще найди. Ну и чего ты молчишь? – обратился он снова к Геларе.

Та, несколько не смущаясь, отхлебнула из стоящего перед ней бокала, поболтала рубиновую жидкость в нем и снова приложились.

– Вы, Антор, забываетесь, я всего лишь богиня земли и плодородия, это вы тут главный смотрящий за этой реальностью, с вас и спрос, или вон с Леды, а можно и вообще ни с кого ничего не спрашивать. Форс-мажор, так сказать.

– А я тут при чем? – возмутилась Леда, изумительной красоты богиня любви и семьи. – Вы тут за своими шашнями с богом торговли не замечаете, как кто-то пробивает проход во враждебный мир для этой реальности, а с меня спрос.

– Но-но, красотка, ты тут тень на плетень не наводи, какие шашни, пару раз поцеловал руку нашей самой работающей богини, и уже меня обвиняют в прелюбодеянии, – пробормотал так, чтобы слышали все, полный мужчина, лицо которого было красиво, а в глазах светился ум. Обе дамы вскочили, от их взглядов прям искры летели.

– Почему нет Хаанны? – спросил седой, оглядев помещение.

– А вот это надо спросить у нашего любвеобильного спекулянта, – снова вмешалась богиня любви, красоты и семьи.

– Я бы попросил оградить меня от нападков этой склочной бабы! – взвился бог торговли.

– Кто тут обозвал Леду склочницей? – встал со своего места Гарус, бог справедливости, который симпатизировал Леде.

– Так, а ну, все успокоились и сели, сели, я сказал! – прорычал седой. В зале повеяло холодом, и это мигом остудило горячие головы красоток, те плюхнулись в кресла и замерли. – Вы что, ничего не понимаете, не видите, что происходит? Каждую ошибку младших богов рассматривают с особой тщательностью. И зачастую уменьшают сектора влияния, а мы влезли на чужую территорию, и если они узнают об этом, то этого мира нам не видать. Просто их реальность очень плохо влияет на эту, и если быстро не восстановить статус-кво, в дальнейшем никто не позволит нам это сделать.

– Но мир умрет, – проговорил Юлис, бог торговли.

– А им-то что, они получают еще одну реальность, а мы ее потеряем и уменьшим себе ману, а у них только прибавится.

– Тогда давайте что-то делать, – проговорила богиня плодородия и покраснела, она прекрасно понимала, что это ее недосмотр. Слишком уж много времени она уделила Юлису, но ведь так хорошо было, и она наконец смогла доказать этой зеленой гордячке, что ничем не хуже ее.

– А на чью территорию мы залезли? – спросил бог виноделия.

– На территорию группы Зангара-Олу.

Присутствующие немного сбледили с лица и переглянулись, тут могло дойти и до войны между богами.

– Сейчас все займется поисками кандидата, – продолжил Антор, – для помощи в закрытии пробоя вот по этим параметрам.

И перед ним появилась надпись, где перечислялись параметры, их было достаточно много. Все находившиеся в зале впились в них взглядом, а потом откинулись в креслах, и вид у них был очень сосредоточенным, словно они просматривали в убыстренном ритме миллионы анкет.

Прошло достаточно много времени, когда кто-то выкрикнул:

– Есть один!

Затем то же сказал и другой, потом третий. И на этом все.

– Так, хорошо, давайте рассмотрим кандидатов, – проговорил Антор, – времени мало.

Первый был из созвездия Z-143255 м и чем-то похож на муравья, только огромного, с мощными жвалами и двумя парами рук.

– Так, отложим этого пока, – проговорил Антор, – давай следующего.

Следующий оказался жителем океана, планета АЗУМ 742-ОМАХ, все бы ничего, он был класса млекопитающих, абсолютно человеческое строение тела, разве только дышать он мог лишь под водой, а на суше задыхался.

Антор был встревожен и расстроен, осмотрел присутствующих тяжелым взглядом и потребовал продолжить.

Самый последний кандидат был с небольшой планеты в созвездии желтого карлика под названием Земля. Он не совсем подходил под параметры, да еще имел ранения, на той планете было довольно воинственное население. Антор смотрел, сравнивал параметры, крутил голографическую копию и туда и сюда, потом надолго задумался.

– Он даже не владеет холодным оружием, – с раздражением сказал он через полчаса, – и здоровый, будет выделяться. Ладно, ваше мнение? – спросил он присутствующих.

– Ну почему, он владеет ножом и кинжалом так, как мало кто на Альдеборе, а кроме того, можно ведь научить. Ну, не знаю, это единственный кандидат в моем секторе, – раздраженно проговорил Юлис, бог торговли и наживы.

– А то, что здоровый, тоже неплохо, – промурлыкала богиня любви, – вон какие мышцы, женщинам будет нравиться.

– Мы тут не альфа-самца выбираем, – недовольно буркнула Гелара, – хотя в нем что-то есть привлекательное, такое, что хочется довериться, – завершила она, поглядывая на Юлиса.

– Ладно, раз так, пусть остается. Ты, – ткнул пальцем Антор в богиню любви, – присмотри за ним по своей части, парень молодой, пусть любит тех, кто нужен для дела, а то свяжется с кем не надо. Да и в отношениях с людьми чтобы более-менее гладко было, нет, идеализировать не надо, просто подправь немного отношение к нему. Я тоже кое-чем его снабжу и присмотрю. На этом все, всем внимательно следить за этой реальностью, но и о других не забывать. Хватит нам одной ошибки. А теперь расходимся. – И седой растворился в воздухе, пропало и его кресло. Когда последний участник совещания покинул зал, тот тоже исчез с тихим звоном.

Глава первая

Как все-таки здорово на море! Рано утром совершил пробежку в полосе прибоя, потом окунулся, смывая с себя пот, и отправился на завтрак, на котором познакомился с хорошенькой девушкой Светланой. И через три дня, поддавшись на ее уговоры, отправился на эту экскурсию по горам.

Нет, это, скажу я вам, красиво – горы, сосны и колоновидная туя, а на пологих склонах растущие виноградники, и несравнимый воздух. Там, где я по горам бегал под напевы пуль и осколков, на красоту обращать внимание времени не было, а здесь можно было расслабленно восхищаться окружающими красотами. Вечером у костра народ пел песни и жарил сосиски на палочках, потом все расплзлись по палаткам и легли спать. Все-таки для большинства переизбыток свежего воздуха и прогулка по горам – это большие нагрузки и стресс для организма, спали все, наверное, как убитые.

– Сережа, скажи, пожалуйста, а что у тебя за шрамы на груди и на спине? – спросила Светлана, когда мы отдышались после безумств.

– Да это я в детстве с велосипеда упал неудачно да на сучок наткнулся.

– Ох, сдается мне, обманываешь ты меня, я все же медсестра, и это очень похоже на огнестрельное ранение.

– Света, не выдумывай, где я, работник рекламной компании, можно сказать, свободный художник, – и где огнестрельные ранения. Спи давай, завтра снова по горам карабкаться.

Утро выдалось пасмурное, тучи затянули небо, и наши проводник и инструктор сказали, что гроза в горах – это не очень приятно и лучше нам быстрее спуститься в долину. Мы быстро собрали лагерь и поспешили в обратный путь. Ливень и гроза застали нас на середине пути, вначале начался сильный, просто ураганный ветер, летели ветки, камни и даже небольшие деревья, затем ударили упругие струи дождя. Дождь стоял стеной, выл ветер, вокруг было темно как ночью, лишь сполохи молний на миг освещали все вокруг белым, каким-то неживым светом. Мы стояли, забившись в небольшую расщелину, пережидая это светопреставление. Я стоял с самого края, и вдруг почва под ногами дрогнула, и меня потащило к обрыву. Несмотря на всю мою подготовку и сноровку, предпринять я ничего не успел, пусть и обрыв тот был метра три-четыре глубиной, но ведь камень кругом, побиться можно было бы хорошо. Упал я на какие-то кусты внизу, хорошо поцарапался и, все-таки приложившись обо что-то головой, потерял сознание.

Через сколько я пришел в себя, не знаю, но был еще день, сквозь кроны деревьев пробивался солнечный свет. Очень болела голова и немного подташнивало. Встав, я огляделся, ничего, кроме порванной на мне рубахи, штанов и огромной шишки над ухом, не напоминало о недавнем катаклизме, и не было никаких гор, вокруг стояли дубы, сосны, и между них вилась еле заметная тропинка. Куда все подевались, может, спустили меня кое-как вниз да побежали за подмогой? Да как-то непохоже, хоть кого-то должны были оставить. Посидел, подождал, но так никто и не объявился. Посмотрел на тропинку, в какую сторону по ней идти – тоже неясно. Но раз есть тропинка, то хоть в одном ее конце, хоть в другом будет что-то находиться. Я поправил рюкзак, который так и висел у меня за плечами. Может, он и спас от более серьезных травм.

Встал и пошел по тропинке вправо, посмотрел, который час, но увидел, что хронометр разбит, и, сняв его, положил в карман, может, еще можно будет отремонтировать. Жалко, мне его комбат подарил после одного дела. Сколько шел – не скажу, но довольно продолжительное время, наконец вышел на поляну, на которой располагалось несколько землянок и работали люди. Увидев меня, они что-то закричали, было довольно далеко, и я не разобрал. Из землянки

выскочили два парня, скорее даже мальчишки, в руках у них были луки, из которых они и стали целиться в меня.

Я поднял вверх руки, показывая, что в них ничего нет, и потихоньку пошел в их сторону. По мере приближения увидел, что в основном тут были женщины, дети и несколько подростков – босоногих, в странных, похожих на старинные длиннополых одеждах.

– Кто ты и чего тебе тут надо? – спросил один из подростков ломающимся баском, не опуская лука с наложенной на него стрелой. Ситуация была непонятная, и я не стал рассказывать, кто я и откуда.

– Я не помню, кто я, была гроза и ураган, упавшее дерево ударило меня по голове, и я потерял сознание, все, что было до этого – я ничего не помню. – И, повернувшись, я показал шишку. По армейской привычке я стригся коротко, и, думаю, ее было видно.

– Ты пострижен как тонгирец, но таких огромных тонгирцев не бывает, может, ты лесной тролль, но я никогда о них не слышала, – проговорила самая старшая из женщин. – Умир, опусти оружие.

– А вдруг он на нас нападет, – не согласился мальчишка.

– Опустит, я сказала, – рявкнула вдруг она, как настоящий сержант. И пацан опустил лук и чуть отошел в сторону. Отошел грамотно, чтобы держать меня на виду и в случае чего успеть выстрелить.

– Ты можешь остаться у нас, путник, брать у нас нечего, все отобрали тонгирцы, мы лишь успели спасти свои жизни, убежав и не дав себя бросить в котел для драгона.

Я плохо понимал, какие тонгирцы и что вокруг происходит, но тут и слепому было видно, что надо собрать как можно больше информации, расспросив этих встретившихся на моем пути людей. Я согласно кивнул головой и чуть не упал от боли. Женщина, заметив мое состояние, взяла меня за руку и повела в одну из землянок. Там, уложив на нары, застеленные какими-то шкурами, сказала, чтобы я лежал, а она сейчас заварит зелье и напоит, смотришь, мне станет легче.

В землянке была приятная прохлада, и я незаметно задремал, проснулся сам, на столе горел каганец, а возле меня дежурила какая-то кроха. Увидев, что я проснулся, она с серьезным видом взяла со стола плюшку и поднесла мне.

– Тетка Верона сказала, чтобы ты все выпил, – мило прошепелявила она и смотрела, пока я все не выпил, после чего, копируя кого-то из взрослых, произнесла: – Вот и молодец, что не капризничаешь.

Я хохотнул от услышанного.

– А что, есть – капризничают? – спросил я ее.

– Еще как, вон Анета как заболела, так не хотела пить, капризничала, что горько, и долго болела.

– А как же тебя зовут, красавица? Давай знакомиться, меня вот зовут Серж, – сократил я свое имя.

– А меня зовут Риса, – проговорила она, вскарабкиваясь ко мне на постель.

– А сколько тебе лет? – задал я очередной вопрос.

– Уже пять зим, – тяжело вздохнула она, и это было так комично, что я от души захохотал и прижал девчушку к себе. Видно, шум слышали на улице, и в дверь заглянула тетка Верона.

– Рисана, ты зачем ему надоедаешь, а ну, отстань от человека!

– Да ничего, ничего, мне с ней интересно, вы не переживайте, я ее не обижу. А ты меня обижать не будешь? – улыбаясь, спросил я у малышки.

– Нет, не буду, – очень серьезно произнесла кроха, – я буду с тобой дружить.

– Как твоя голова? – спросила Верона.

Я прислушался к себе.

– Да нормально, уже намного легче. – Пощупал шишку, и показалось, что и она уменьшилась.

– Может, выйдем на улицу, ты как, не против? – спросил я своего нового друга.

На улице день клонился к вечеру, женщины сидели возле костра, детвора крутилась тут же. Мы с Рисаной тоже присели на свободное место.

– Расскажите, что у вас произошло, почему вы живете в лесу, где ваши мужчины, – спросил я, обведя взглядом сидящих у костра. Вдохнув, одна из женщин начала рассказывать, другие иногда дополняли ее, и передо мной постепенно вырисовывалась картина происходящего.

Нахожусь я или в параллельном мире, или просто в очень-очень давних временах, но уж точно не в своей действительности. Почему и как это произошло, мне неизвестно, а место, куда я попал, вернее, континент назывался Альдебор.

На континенте живет несколько народов, один из них – тонгирцы; представители другого народа, анторцы, передо мной. Раньше тонгирцы жили себе спокойно и ни на кого не нападали, на континенте шли, конечно, войны между государствами и стычки между дворянами. Но вот тонгирцы держались от всего этого в стороне, они и к себе не давали лезть, и сами ни к кому не лезли. Но несколько лет назад их словно подменили, тонгирцы стали воевать вначале со своими соседями и захватили несколько свободных баронств. А потом их поползновения и претензии стали распространяться и на дальние королевства. Странно то, что недавно с ними стали приходить чудовища, кто-то назвал их демонами, и оказалось, тонгирцы кормят их людьми.

Сейчас вот их королевство еще не ведет войну, но тонгирцы уже нападают и грабят, а их деревня вообще была приграничной, тонгирцы налетели, похватали кого смогли и кто не успел убежать и отправились к следующей. Герцог обязан их защитить, но войско так и не пришло, а мужчины пошли посмотреть, что происходит сейчас на их землях и в деревне, да уже несколько дней нет от них ни слуху ни духу. Если не вернутся мужчины, то мало кто из находящихся здесь переживет зиму, припасов почти нет никаких, успели посадить несколько грядок репы да десятину гороха. Ребяшня ловит рыбу в лесном озере, так только одну мелочевку, потому что возле берега, а ловить крупную – нужны сеть и лодка, а ни того ни другого нет.

– Вы не боитесь, что тонгирцы и сюда прийти могут?

– Да нет, они почему-то боятся леса, ближе чем на несколько метров к опушке не подходят, а в лес вообще не суются. И чудища их тоже к лесу не подходят, – добавила еще одна женщина. Странно, подумал я, бояться леса, ай какие трусишки... Надо выбираться из этого леса и там в мире разбираться, что тут происходит. Но пару дней еще надо бы отлежаться.

Утром следующего дня я произвел ревизию рюкзака, обнаружил там помимо портмоне с моими документами и банковскими карточками запасные носки, футболку с коротким рукавом, несколько бомж-пакетов, или просто быстрорастворимую лапшу, и пару банок консервов. В одном из карманов рюкзака лежали набор иголок и пара катушек черных и зеленых ниток, в другом – бобина с тонкой монопнитью вместо лески, десяток крючков разных размеров и несколько пуль от мелкашки для грузил. В следующем кармане был кусок мыла, упаковка одноразовых бритвенных лезвий и большая газовая зажигалка. На самом дне рюкзака лежали хороший армейский нож в ножнах и моя «гюрза» в оперативной кобуре с запасной обоймой и россыпью с сотню патронов к ней. В одном из отделений лежала армейская аптечка, которую в свое время я еще дополнил некоторыми лекарствами.

Вы спросите, почему как на войну собрался – пистолет, нож, нитки и крючки... Так ведь в поход шли – это раз, а во-вторых, служба научила всегда готовиться к непредвиденным обстоятельствам. А что до пистолета, то, во-первых, у меня есть на него разрешение, во-вторых, он наградной, и в-третьих, я ведь секретноноситель. А в-четвертых, не дай бог, придет горничная убирать, обнаружит пистолет да поднимет крик, а тут сразу и милиция, и т. д., и т. п. Оно мне надо?

Сунув пистолет за пояс, туда же повесил и нож, в карман положил запасную обойму, прихватив леску и крючки, попросил ребят проводить к озеру. С нами увязалась и Рисана, при этом она всех успела оповестить, что я – ее собственность, и ревностно следила, чтобы никто не пытался со мной подружиться.

По дороге я срезал длинный и ровный хлыст и уже на месте стал ладить удочку, потом нарыл пару червей и забросил свою снасть. Парни, что отправились с нами, смотрели на меня с ухмылкой, только и того, что у виска пальцем не крутили. Я понял, что такого способа ловли они не знали. Первой поклевки пришлось ждать долго, я уже думал, что ничего не вышло и надо собираться обратно, чтобы не смешить людей.

Как вдруг клюнуло, и очень даже хорошо клюнуло, палка, на которую была привязана леска, согнулась дугой. Немного поборолся и вытащил на берег хорошего такого сазана, килограмма на четыре. Парни, которые при помощи корзины ловили мелочь, сгрудились вокруг меня, разглядывая первую добычу.

Второй раз клюнуло почти сразу, и снова большой сазан, потом клевало беспрестанно, и до вечера я очень даже устал. В общей сложности было поймано десятка полтора сазанов, несколько линей за килограмм и еще какая-то крупная местная рыба, название я не знаю. Все, кто со мной был, нагрузились уловом и пошли к землянкам, я без обмана тащил килограммов тридцать рыбы. Досталось даже Рисане, и хотя я видел, что она устала, на мои предложения понести ее рыбежку отвечала отказом. Хорошо, лагерь был недалеко от озера, дошли, правда, с одной остановкой. В лагерь входили, словно одержали победу над войском тонгирцев, перебив вдобавок и всех чудовищ.

На ужин была жареная рыба от пуза. В эти времена люди часто наедались впрок, никто ведь не знает, будет ли что-нибудь есть завтра. Но даже в этом случае рыбы оставалось еще много. Я предложил разделать ее, хорошо прокоптить над костром и вывесить в тень, чтобы сохла, может, получится сохранить подольше. Жаль, соли почти не было.

Среди ночи я проснулся от непонятного шума, вышел из землянки и прислушался. Метрах в пятидесяти, там, где выбросили внутренности рыбы, слышалось чавканье и похрюкивание. Местные свинки пришли полакомиться остатками рыбы. Осторожно, чтобы не спугнуть, подобрался как можно ближе, ночь была лунной, но ведь это лес. Метров с десяти уже можно было что-то разглядеть, прицелился в небольшую свинку и плавно нажал на курок. Среди ночи выстрел хлопнул громко, семейство кабанов кинулось убежать со всех ног, лишь та свинка, в которую я целился, пронзительно завизжала и забилась в агонии, но через некоторое время затихла.

Я осторожно подошел, прислушиваясь, чтобы не пропустить, если вдруг секач вернется, с пистолетом против кабана – это надо быть сумасшедшим. Со стороны землянок не раздавалось ни звука, конечно, все проснулись, но затаились, не понимая, что происходит. Сделав разрез на задней ноге между костью и сухожилием, я просунул руку и потащил кабанчика поближе к жилию. Неплохая так добыча, килограммов сто, если не больше. Подтащив свинью к землянкам, негромко окликнул Верону:

– Верона, выйди и светильник захвати, не бойся, это я, Серж.

Верона осторожно выглянула и, убедившись, что ей ничего не угрожает, подошла ко мне, закрывая фитиль ладонью, чтобы не погас. Увидев мой трофей, она ахнула и кинулась звать остальных женщин. Они зажгли два костра и при их свете стали разделывать свинью. Я же, увидев, что тут не нужен, отправился досыпать.

Следующий день все были заняты утилизацией кабана, я же, прихватив Умида и еще пару человек постарше, отправился снова к озеру, рассказав и показав, что и как надо делать, спокойно уселся и принялся аккуратно зашивать свои штаны, между делом помогая вытащить особо крупные экземпляры. Потом искупался в озере и побрился. Пробыв на озере часа три, мы пошли к землянкам, мальчишкам уходить не хотелось, но я настоял, сказав, что соли нет

и рыба пропадет, всю все равно не съедим. Пообещал оставить им снасть, так как завтра собирался уходить.

К обеду в лагере появились трое из ушедших мужчин, они принесли соль, мешок муки, пару топоров, пилу, еще какие-то инструменты и кухонную утварь. Увидев незнакомца, стали с подозрением посматривать на меня, я же уперся взглядом в одного из них так, что тот быстро опустил глаза и отвернулся. К вечеру пришли еще трое, они тоже что-то принесли в мешках, но мне это было неинтересно. Я, поужинав, внимательно выслушал рассказы о том, где сейчас тонгирцы и что вокруг происходит, и улегся спать.

Рано утром, поблагодарив Верону и остальных за приют и обняв на прощанье плачущую Рисану, я пошел по тропинке, правда, уже в обратную сторону.

Глава вторая

Выйдя из лесу, я направился в глубь королевства Антор, названного так в честь первого властителя империи, которая за тысячу лет превратилась в королевство – говорят, нормальный мужик был. Хотя по прошествии тысячи лет кто его знает, каким он был на самом деле. Если обратиться в глубь веков, когда появились первые законы, своды нравственных правил, даже войну пытались заключить в свод правил и ограничений. И современным потомкам наших предков многое непонятно, а многое вызывает даже смех, но все имело свои основания и органично вписывалось в то время. Дворянин всегда понимал дворянина и мог отпустить под честное слово, и слово ведь держали. Война имела свои правила и свой кодекс чести. За небольшим исключением эти правила и кодексы никогда не распространялись на простой люд, который угоняли в рабство, грабили, насиловали и убивали по любому поводу.

До первого города, в котором находилась и резиденция герцога, пешком идти было три дня. Выйдя на тракт, я поправил лямки рюкзака и зашагал, прислушиваясь, чтобы неожиданно не угодить в неприятности. Шум, крики и звон клинков я услышал издалека. В этом месте дорога делала поворот, и что происходит – видно не было, но по звуку было слышно, что идет схватка. Осторожно подбравшись, выглянул из-за поворота, и передо мной открылась картина боя. У стоящей кареты несколько человек в латах и сюрко с гербом, прикрывшись щитами, отбивались от нападавшей на них огромной ящерицы, чем-то похожей на дракона острова Комодо. Только она имела большой гребень на голове и вес примерно до трехсот килограммов. Управляла ею какая-то личность в темном балахоне с капюшоном, надвинутым так, что рассмотреть лицо я не смог, как ни приглядывался. Помимо ящерицы на обороняющихся нападало с десятков воинов в кожаных доспехах, с короткими мечами.

Я, честно, не хотел вмешиваться, это не моя война, не мои разборки, наблюдая из кустов за происходящим. Думал, дождусь окончания схватки и, когда победитель уйдет, а уйдет он в любом случае, продолжу свой путь. Но тут один из оборонявшихся в расшитом камзоле пропустил удар и упал, тот же час в карете раздался крик и плач ребенка. Меня словно кто-то толкнул под руку, я выхватил пистолет и прицелился в ящерицу, до цели было метров тридцать, и пусть она была очень большой, но я ведь не из пушки стреляю, я выцеливал голову. Наконец плавно нажал курок, хлопнул выстрел, и в тот же момент ящерица взбесилась.

Она вдруг встала на задние ноги, трубно заорала, раскрыв пасть с большими клыками, тот, кто управлял ящерицей, попытался ее успокоить, но та, взмахнув толстым хвостом, отбросила его на несколько метров. Упал он тоже как-то неудачно, и так и остался лежать, даже не делая попыток встать. А ящерица, развернувшись, принялась крушить все, до чего могла дотянуться. Удар хвостом – и последних защитников кареты разбросало в радиусе нескольких метров. Очередной удар хвостом, и у кареты отлетело колесо, и та перекосилась; удар лапой, и один из нападавших остался без головы; прыжок – и ящерица подминает под себя еще двоих. Правда, продолжалось это недолго, через некоторое время она заскулила и упала на бок, подняв облако пыли. По ней пробежала судорога, и рептилия затихла.

Увидев, что ящерица не шевелится, оставшиеся нападавшие осмелели и стали приближаться к карете, громко переговариваясь. Мне ничего не оставалось делать, как встать и бегом броситься тоже к карете. Увидав меня, нападавшие остановились, но видя, что у меня нет в руках ни меча, ни даже ножа, только засмеялись.

– Посмотри, какой здоровый, наверное, думает, что сможет причинить нам вред голыми руками, – проговорил один на каком-то гортанном наречии, указывая на меня мечом. К своему удивлению, я его понимал, как понимал и то, что это совершенно другой язык, чем у встреченных в лесу.

– Вы можете остаться в живых, если сейчас же покинете это место, – предложил я, сближаясь с ними.

– Ха-ха-ха-ха-ха, вы гляньте на него, он еще и угрожает. Альмар, займись им, пока мы пошупаем тех, кто в карете. Ильторн будет доволен. Жаль, конечно, что поводырь сдох, да и драгону было бы чем полакомиться.

С расстояния в десять метров, на которые я приблизился к этим людям, я могу попасть в муху. Я поднял пистолет и быстро произвел четыре выстрела, целясь по коленям, мало ли, может, допросить надо будет. Не обращая внимания на их вой от боли, я подошел к тому, кто был в богатом камзоле с кружевами и вышивкой. Он оказался жив и даже в сознании, у него было пробито бедро с внешней стороны и предплечье, при этом кольца кольчуги, которая была под камзолом, впились в рану. Если не оказать срочную помощь, то, скорее всего, он в ближайшее время умрет от потери крови.

– Кто ты, незнакомец? – спросил он, когда я к нему приблизился.

– Прохожий, кем я еще могу быть, ты пока помолчи, не трать силы, надо тебя перевязать. Достал аптечку и стал обрабатывать раны.

– Сальма, Сальма, – вдруг прохрипел раненый, дверца кареты открылась, и из нее выглянула заплаканная женщина.

– Ой, Микель, ты жив, слава богам, – запричитала она.

– Помолчи, – оборвал он ее, – подай лучше полотно для перевязки.

Женщина скрылась и через некоторое время подала мне рулон тонкого небеленого полотна.

Я достал тубик, шприц и вколол мужику обезболивающее, а потом еще и антибиотик, было очень жалко лекарство, но я понимал, что мужик этот не простой, а, скорее всего, из дворян, и не просто заштатный барон. Если уж суждено мне остаться в этом мире, это мой шанс влиться в общество. Ну не готов я ходить за сохой, пусть даже в армию, там я все равно выбьюсь повыше, тем более, как понимаю, тут даже война идет.

Краем глаза увидел, что в себя пришли те, кого отбросила ударом хвоста ящерица, и, пошатываясь, направились к нам. Я уже обработал рану на бедре, забинтовал ее и перешел к ране на предплечье. А тут придется шить. Достал хирургическую иглу и шелковую нить, обработал рану, разломил ампулу лидокаина, полил на рану и быстро зашил.

Пришедшие в себя воины столпились за спиной, наблюдая, что я делаю, из кареты выбрались женщина и маленькая зареванная девочка лет четырех. Раненные мною нападавшие к этому времени уже перестали орать и лишь со страхом наблюдали за нами. Один из воинов осмотрел карету и сказал, что слетело только колесо, и если его надеть, то можно ехать дальше. Приподняли карету, надели колесо, в ящике у кучера нашли даже запасную чеку, уложили раненого в карету и принялись ловить разбежавшихся коней. Я же тем временем подошел к тому, кто управлял зверушкой, откинул капюшон, и на меня уставился череп, обтянутый кожей. Глубоко посаженные глаза были прикрыты пленкой, как у рептилий, вдруг они распахнулись и уставились на меня, даже мурашки по спине побежали, какой-то скрипучий голос произнес:

– Я запомнил тебя...

После этого тело начало быстро разлагаться, превращаясь в труху. Фу, мерзость... Я отскочил от трупа и быстро оглянулся по сторонам, никто не видел моей слабости. Все были заняты, и до меня никому не было дела.

Подвели коня и мне, а потом воины занялись мародеркой, снимались брони и со своих, и с чужих, собиралось все, что имеет хоть какую ценность. Перед тем как отправиться в путь, я поинтересовался, нужны ли им пленные, мне ответили, что нет, я сказал, что и мне не нужны, и один из воинов молча и хладнокровно их добил, чиркнув мечом по шее.

В дороге было видно, что парням очень плохо, но они держались. Часа через три остановились на ночлег и стали готовить ужин. Я дал каждому из парней по таблетке анальгина и сказал, чтобы выпили. Всем надо было отдохнуть и прийти в себя. Раненого уложили на шкуру, и женщина помогла ему поесть. Заметно было, что еда придала всем силы, и раненому тоже. Наверное, он решил прояснить ситуацию и после ужина спросил, обращаясь ко мне:

– Кто ты, прохожий, руки твои чистые и ухоженные, как у аристократа, лицо благородное, в обращении нет подобострастия, так привычного низшему сословию. Даже со мной ты себя ведешь как с равным себе, раны мне ты обработал так, как не смог бы ни один лекарь, но ты не лекарь. Очень похож на благородного, но одет в лохмотья, как последний нищий. Кто ты?

– Скорее всего, это будет выглядеть странно, но я буквально на днях, ударившись головой, забыл о себе все, вспомнил лишь только имя, да остались кое-какие навыки. Зовут меня Серж, и если образно сказать, то я каждый день вновь познаю мир, – ответил я ему, стараясь не слишком выбиваться из образа независимого и знающего себе цену человека.

– Да, я знаю такие случаи, когда человек забывал все после удара по голове, некоторые становились совсем сумасшедшими, другие, как и ты, каждый день узнавали что-то новое, а некоторые со временем все вспоминали и становились прежними. Скажи, почему ты вмешался и помог нам, явно видя, что тонгирцы побеждают, ты настолько самоуверен или настолько же глуп? Тем более с ними был погонщик и драгон, который почему-то так удачно вышел из подчинения. Или ты и к этому имеешь какое-то отношение?

– Я вначале хотел просто дождаться окончания схватки и, после того как победитель уйдет, продолжить свой путь. Но услышав плач ребенка, сам не понимаю как, выскочил из кустов, где скрывался, и кинулся к карете.

– Я маркиз Микель Доренье, – проговорил он, внимательно наблюдая за моей реакцией. Видя, что его имя на меня не произвело никакого эффекта, он, помолчав, добавил: – Двоюродный брат нашего короля, да даруют ему боги долгие лета и здоровье. – И, помолчав, добавил еще: – А также глава Тайной стражи.

А на вид мужик напоминал простого работягу – нос картошкой, улыбочное круглое лицо, небольшое брюшко, и если бы не богатая одежда, никогда бы не подумал, что он местный аристократ.

– Ну что же, поздравляю, – улыбнулся я ему. – Как же вы, такой большой вельможа, и с таким маленьким эскортом оказались так далеко от столицы?

– Ну, это долгий рассказ, думаю, я сейчас не в состоянии все рассказать, – ушел он от ответа. Посидев еще немного, стали укладываться спать. Я предложил воинам разделить с ними дежурство, но они отказались. Ну, не хотите и не надо, я не гордый, буду спать, подумал я, укладываясь недалеко от костра. Лето летом, но под утро можно и замерзнуть, да и по виду время года плавно переходило в осень, а у меня, кроме рваной рубашки, что на мне, и футболки в рюкзаке, больше ничего и нет, чтобы утеплиться.

Под утро я все равно замерз, отчего вскочил с первыми лучами солнца и принялся энергично разминаться, разгоняя кровь по жилам. Лагерь потихоньку просыпался, развели посильней костер, повесили котелок над огнем. Приготовили жидкую кашу, я добавил в общий котел кусок жареной свинины, выданный мне в дорогу Вероной, и мы, быстро позавтракав, выехали, чтобы к вечеру попасть в город Лимер, где находилась резиденция герцога Лари Сальмери – все это я узнал из разговора маркиза и его охраны.

Конь одного из убитых гвардейцев, попавшийся мне, был хорош, реагировал на любое движение повода, при необходимости менял аллюр, был послушен и добр по характеру. С непривычки я, наверное, благодаря только тренированному ранее телу не упал с коня замертво, когда въехали в город, очень устали ноги и спина. Замок герцога располагался в городе за отдельной стеной и воротами. На стенах несли службу гвардейцы герцога, правда, было их

совсем немного, лишь по два на каждую стену. Меня по приезде отправили в казармы к гвардейцам, и я, даже не став ужинать, завалился спать.

Утром поднялся вместе со всеми, кто ночевал в казарме, обмылся по пояс из бочки с дождевой водой, чем удивил всех, кто находился рядом. И потрусил на тренировочную площадку, которая располагалась рядом с казармами. При входе кто-то сильно толкнул меня в спину.

– Шевелись, деревенщина, а то ползешь как неживой и другим пройти мешаешь, – прорычал кто-то под хохот нескольких человек, после чего последовал толчок в спину. Я по инерции сделал шаг, упал и перекатился, а поднимаясь, резко развернулся и ударил ногой в грудь того, кто меня толкнул. Тот по всем законам физики оторвался от земли, пролетел метра два и грузно упал, загремев всем железом, что было на нем надето. Стоявший рядом с упавшим и поразительно на него похожий парень выхватил из ножен меч и попытался им ширнуть в меня. Но двигался он настолько медленно, что я спокойно сместился в сторону, поймал его руку с мечом и потянул ее по ходу движения, придав дополнительное ускорение его телу свободной рукой. Так как я не отпустил его ладонь, сжимающую рукоять меча, падая, ему пришлось поневоле ее разжать, и меч оказался в моей руке.

С показным интересом оглядел доставшийся мне трофей и, скривившись после осмотра, отбросил в сторону. Тут на меня бросился тот, что упал раньше, и я провел чисто и эффективно для впечатления окружающих, которых уже собралось немало, прием айкидо, закрутив нападавшего, и отправил его снова в полет. Упал он, как я и задумывал, на начавшего подниматься второго, и они снова оба растянулись на земле, чем вызвали хохот собравшихся.

– А ну прекратить! – прокричал появившийся седой гвардеец, как я узнал впоследствии, капитан гвардейцев герцога. – Ты кто такой, почему устроил тут драку и кто тебя пустил в замок? – посыпался на меня град вопросов.

– Прошу прощения, сеньор, – сделал я смущенный вид, – я прибыл с сеньором Микелем Доренье, а по поводу драки – они первые начали, я же хотел просто размяться после сна.

– Размяться, говоришь, – разглядывая меня, задумчиво проговорил капитан. – Альберт, Тивон и Кавир, а ну, разомните этого деревенщину.

Из рядов гвардейцев, окружавших нас, вышли, наверное, самые здоровые ребята, но все равно они на полголовы были меньше меня.

Напали они почти одновременно и без подготовки, видать, уже имели опыт таких схваток. Не скажу, что легко, но я с ними справился, удары, конечно, дозировал, чтобы ненароком сильно не травмировать. Первому достался удар в печень и ребром ладони по шее, второму удар открытой ладонью в лоб, а третьему не столько эффективный, как эффектный удар ногой в грудь, его полет и приземление под ноги сослуживцам.

– Неплохо, неплохо, – пробурчал капитан, – может, еще разомнешься маленько, а то, смотрю, ты еще не разогрелся. – Он махнул рукой, и из группы гвардейцев вышло уже пять человек.

– Сеньор, – поднял я руку, – что будет, если я случайно кого-то поломаю или убью?

– Хм-м-м, даже так... Но ты постарайся все-таки никого не убить.

Вот тут мне пришлось попотеть, удары я хоть и не сдерживал, но не бил в горло, в глаза, под сердце и в пах, от всей души валял по земле и метелил нападавших, правда, и мне досталось, несколько раз нарвался на удар, и мне неплохо так прилетело. Но я все-таки остался стоять на ногах, правда, и шатало меня здорово. Мои соперники – кто-то еще лежал на земле, кто-то уже поднимался. У меня под глазом наливался синяк, была разбита губа и в ребрах, по всей вероятности, была трещина. Рубашка, которую я неосмотрительно надел, превратилась окончательно в лохмотья, и я начал ее стягивать, морщась от боли.

Капитан обошел меня по кругу, разглядывая.

– Первый раз вижу воспитанника сумеречного ордена, да... экземпляр тоже выбран великолепный. Ты, наверное, ничего и не помнишь? – обратился он ко мне.

– Откуда вы это знаете? – разыграл я удивление. – Несколько дней назад я ударился головой и напроць все забыл, и теперь для меня я сам и мир вокруг меня – чистый лист бумаги.

– Так, так, так, сержант, почему никто ничем не занимается? – вдруг рывкнул капитан. – А ну, быстро найти всем занятия, отрабатывать рубку и защиту. Побитых показать лекарю, и пусть сегодня отдохнут, только братьев в строй, чтобы знали, как в следующий раз задираться.

И когда гвардейцы под командой сержанта убежали, капитан снова сделал несколько кругов вокруг меня.

– Раз в несколько десятков лет в мире появляется воспитанник сумеречного ордена, они высоки и сильны, вот как ты. Хорошо бьются и владеют разными приемами умерщвления людей – и оружием, и пустой рукой. Что удивительно, они ничего не помнят о прошлой своей жизни. Зачем они приходят в мир, никто не знает, кто-то говорит – чтобы охранять его, кто-то – наоборот, чтобы разведать и потом захватить. Исчезают они так же, как и появляются, внезапно. Говорят, раньше они спокойно жили среди нас, но за последние тридцать лет никто не слышал об их появлении. – Затем он помолчал, разглядывая мои шрамы. – Я рад тебя приветствовать, воин сумеречного ордена, жаль только, что ты уйдешь с маркизом, а то, смотришь, и моих ребят чему-то научил бы. – И, повернувшись, капитан ушел.

Очень уж информативной оказалась наша беседа, правда, вопросов оставила больше, чем ответов на них. Что за орден, кто такие его воины, ничего не понятно. Ладно, будем потихоньку вживаться в образ и искать ответы на вопросы.

Я снова обмылся у дождевой бочки, выбил пыль из своих штанов и уже хотел надеть футболку, когда в дверях казармы появился паренек и сказал, что меня хотят видеть маркиз и герцог. Быстро облачившись в последнюю свою одежду, пошел за парнем.

Глава третья

Маркиз и герцог сидели на балконе и пили вино, на столике стояло блюдо с неизвестным мне фруктом и бокалы с рубиновой жидкостью. Войдя, я поздоровался и остался стоять, ожидая, что мне скажут. Но они молча разглядывали меня, наконец маркиз произнес:

– Жрец-лекарь сказал, что тот, кто лечил и делал перевязку, меня спас, сейчас тебя отведут в швальню и тебе пошлют нормальную одежду, а не эти обноски, в которых ты ходишь. У сеньора Сальмери мы будем несколько дней, пока я не оправлюсь от ран, ты мог бы немного подтянуть его людей, да и сам тренироваться. Герцог тебе за это заплатит, я думаю, тебе нужны деньги.

– Спасибо, – сказал я и немного нагнул голову в сторону герцога, – я займусь вашими гвардейцами, только я плохо владею мечом, но хорошо работаю кинжалом и ножом.

– Можешь идти, – махнул рукой маркиз, и я вышел за дверь, где меня ждал тот же паренек, который сюда и привел.

* * *

– Ну что я тебе говорил, он относится к нам так, как будто мы ему равня, спокоен и даже не думает о том, что за неуважение к аристократам может оказаться и на плахе.

– Послушай, Микель, сдается мне, реши мы его отправить на плаху, то он тут такое устроит, ты видел, как он бился. Кстати, надо Тедору сказать, что братья Аваты действовали по моей просьбе. Да... отличный экземпляр. Так ты решил его приблизить и забрать к себе в службу?

– Да, Лари, такой шанс не хотелось бы упускать, немного обкатаю у себя в приказе, а дальше посмотрю, и если все так, как предсказано, то пусть все сбудется.

– Что говорят жрецы?

– Да что-то хитрят они, представь, даже королю не стали докладывать. Я так понял, у них произошел какой-то сбой, и все, на что они рассчитывали, пошло наперекосяк. Вроде бы тонгирцы провели кровавые человеческие жертвоприношения, и проход между мирами стал постоянным, и закрыть его пока невозможно. Боги, кто же знал, что тот идиот, носящийся с книгой хаоса, способен на такое безумство.

– Ну, теперь уже поздно об этом говорить, я сейчас сосредоточился на изготовлении стрел и тренировке стрелков. Отдал под их тренировки одну деревню, пока только кормлю, научатся – придется что-то платить. Лучше скажи мне, ты смог кого-нибудь допросить, почему они похитили Бажену, зачем им ребенок?

– Что до Бажены, то ведь в ее жилах течет кровь короля-основателя, и похищали ее для жертвоприношения, ну и возможности влиять на меня, и что в этом случае было главней – неизвестно. Когда отбили Бажену, отправил карету с подменой, а сами поехали другой дорогой и, как назло, наткнулись на отряд с поводырем и драгоном, если бы не этот Серж, не знаю, что и было бы. Драгон был какой-то вялый, но двоих убил почти сразу, затем ранили меня, а потом вмешался этот парень. А по поводу затрат, то часть возьмет на себя король, разговор уже был.

– Это было бы хорошо, а что остальные?

– Остальные... Остальные, Лари, как всегда, кто-то решил переселиться в южные королевства, кто-то на острова, самые смелые и упертые, такие, как ты, готовятся к назначенному сроку. Сильванцы, донаты и вольные баронства выступают по сигналу. Некоторые колеблются, некоторые хотят отсидеться за нашей спиной. Ладно, Лари, пойду полежу немного перед обедом, совсем я слабый стал, если бы не этот Серж, отправился бы я к духам предков.

– Нет, Микель, не зря он его к тебе привел, не зря, так что не гневи старшего из богов, обидится.

* * *

В швальне меня обмерили с ног до головы и отпустили, попросив вечером зайти еще раз на примерку. Из портняжной мастерской парень отвел меня в купальню, и вот там я уж оторвался по полной, одно дело мыться холодной водой, и совсем другое – горячей, да еще со щелоком да с мочалкой. Вышел я чистый до скрипа, завтрак после всех физических нагрузок и купальни показался деликатесом, пусть это была простая каша с маленькими кусочками мяса, и все же.

После завтрака я остался один, паренек куда-то исчез, наверное, он свою миссию выполнил и занимается сейчас своими делами. Я решил исследовать замок и стал обходить его, заглядывая в двери мастерских, набрел на кузню и решил немного довооружиться. Кузнец, заросший бородой почти до глаз, в кожаном переднике, и два его малолетних ученика с интересом посмотрели на меня, когда я вошел.

– Ты чего хотел? – спросил кузнец меня.

– Да вот хочу попросить тебя сделать мне несколько вот таких штук, – и я нарисовал ему на полу кузни четырехлучевую метательную звездочку.

– Сколько надо, – спросил он, разглядывая рисунок, – и для чего это?

– Сделаешь – покажу, – ответил я, – только оплата будет не сразу, деньги мне пообещали, но пока еще не заплатили, а изготовить надо таких штук пять, вот эти края остро заточить. Возьмешься?

Кузнец посмотрел на меня из-под кустистых бровей.

– Возьмусь, вечером зайди, а по оплате возьму по медяшке за штуку и медяшку за то, что не сразу заплатишь.

Пока находился в кузне, пробили на обед, я пошел к казармам, но по дороге меня перехватил капитан и сказал, что я буду теперь жить и питаться с офицерами, которых было трое. И повел меня в отдельно стоящий домик. После обеда я, чтобы не маяться от безделья, просто завалился на свои нары и продрых до самого вечера.

Вечером сходил вначале к кузнецу, его я просил сам, и дожидаться он меня не будет, в отличие от портних, тем было указание, и они будут ждать. Кузнец сделал все в соответствии с рисунком и заинтересованно смотрел на мою реакцию.

– Ты обещал рассказать, для чего тебе это надо, – проговорил он.

– Лучше показать, пусть парни принесут доску или чурбак.

Кузнец кивнул подмастерьям, и те через минуту притащили большой чурбак. Кузница была довольно просторна, и, установив импровизированную мишень у одной из стен, я начертил угольком подобие лица и встал у другой стены.

– Представьте, что это враг, – сказал я и стал метать звездочки из разных положений. И пусть я это не делал последние пару лет, но опыт – его не пропьешь, все без исключения мои сюрикены попали туда, куда я целился.

– Ха-а-а, я так и думал, – радостно сказал кузнец, – а ну, дай я попробую.

Подмастерья с трудом повыдергивали сюрикены и принесли нам.

– Да пробуй, кто ж тебе не дает, – улыбнулся я. Кузнец принялся метать и даже попал одним, что его очень обрадовало.

– Чтобы попадать постоянно и именно туда, куда хочешь, надо тренироваться, и чем чаще, тем лучше.

Распрощавшись с кузнецом, пошел на примерку, тут меня долго наряжали в наметанные одежды, что-то подшивали, что-то накалывали и тут же переделывали. Процесс шел полным

ходом, я же стоял как манекен, поднимая по требованию руку, ногу или поворачиваясь. Наконец все закончилось и меня отпустили, сказав, что завтра все будет готово. Еще сказали, чтобы зашел к сапожнику, примерить сапоги. Нога у меня сорок третьего размера, заготовка нашлась, и сапожник сказал, что все хорошо, он приладит голенища, и завтра смогу щеголять уже в обновках.

Утром я вместе с капитаном стоял перед строем гвардейцев численностью двести пятьдесят человек. Ну чему я могу научить эту толпу, я никогда ничему никого не учил, учили всегда меня, но я уже дал слово, и теперь отказаться было бы подло.

– Слушать меня всем, – начал капитан, – этого человека зовут Серж, с сегодняшнего дня он ваш наставник, чему он будет вас обучать, я пока не знаю, но слушаться его беспрекословно. Это приказ герцога, кто ослушается, будет подвергнут наказанию. Все поняли?

– Да, – нестройно прозвучало в ответ на его вопрос.

– Приступай, – подтолкнул меня капитан. Я сделал шаг вперед, речь я заготовил заранее, вернее, какая там речь, так, вступительное слово.

– В одной стране гвардейцами называли самых лучших воинов, специально отбирали туда только тех, кто проявил себя не только храбрым, но и инициативным. Любой из них мог заменить сержанта, а то и лейтенанта в случае гибели такового. Девизом таких воинов были слова «Гвардия не отступает и не сдается». Чтобы стать таким воином, надо многому учиться и постоянно поддерживать эти навыки. Сейчас я кое-что покажу вам, это может в дальнейшем спасти вас или ваших друзей.

Я достал из кармана изготовленные вчера мне сюрикены и показал их гвардейцам.

– Многие, может, даже догадаются для чего служат эти звездочки, но я все-таки покажу. – И я бросился бежать в сторону столба для отработки рубки мечом. При этом с расстояния метров десяти стал бросать сюрикены – с движения, с переката и кувырка, в конце я сделал сальто вперед и бросил последнюю четырехлучевую звездочку.

– Кто-нибудь, принесите то, что торчит в столбе, и покажите своим товарищам, – продолжил я дальше говорить, пока народ разглядывал сюрикены. – Советую каждому сделать себе тоже такие, местный кузнец имеет опыт их изготовления и берет всего лишь медяшку за штуку. – В общем, сделал рекламу кузнецу и подсуетил ему клиентов с заказами.

Что-то подмывало меня взять в руки меч, толкало и толкало к стойке с тренировочными деревянными мечами, но я себя сдерживал, решил – подойду тогда, когда никого не будет. Сказал всем, чтобы заказали сюрикены завтра, мол, будем учиться, и предложил сержантам продолжить работы по плану.

Я, честно, не знал, чему их учить, потом решил, что надо подумать и составить план, да и вообще научить чему-нибудь за пару недель сложно и надо придумать что-то простое и эффективное. С этой мыслью я попросил капитана дать мне пару листов бумаги и то, чем они пишут, и, получив все это, засел в выделенной мне комнате и принялся ломать голову, писал, конечно, на русском.

Под вечер, когда уже начало смеркаться, я пробрался на тренировочную площадку и, вытащив из стойки затупленный меч, попытался им взмахнуть. Поначалу все было как-то неловко, потом пришло понимание того, что и как я должен делать. Руки и ноги жили своей жизнью, сами по себе, я передвигался то приставным шагом, то резко уходил в сторону на целый шаг и в момент движения наносил удар. Порой мне казалось, что я сражаюсь с невидимым противником, видел его удары, нацеленные в меня, и блокировал их, а потом сам переходил в контратаку.

Затем я поставил меч обратно в стойку и взял два покороче, и снова каскад ударов, вихрь защиты и ощущение, что я танцую какой-то танец, понятный только мне. Сколько так продолжалось – не знаю, но рано или поздно заканчивается все. Закончил и я плести узоры из мелькающей стали, поставил мечи в стойку, после чего на меня навалилась страшная уста-

лость. Болело все – мышцы, сухожилия, суставы, еле добрал до своей лежанки и, лишь коснувшись постели, провалился в сон.

Снилось что-то непонятное, какие-то чудища, люди и один мужик, весь седой, с красивой короной на голове, который твердил одно:

– Ты должен это сделать, у тебя получится, я дал тебе все, что мог, не подведи.

Мне это так основательно надоело, что я даже во сне психанул.

– Иди знаешь куда, надо ему, видите ли... Надо – значит, сделаю, не мешай спать, – пробормотал я спросонья.

Утро порадовало хорошей погодой, я по заведенной уже тут привычке умылся в бочке с дождевой водой и направился на тренировочную площадку. Многие из гвардейцев уже имели сюрикены и бросали их, стараясь попасть в столб, в который вчера бросал и я. Завидев меня, они прекратили свои занятия и потянулись к центру площадки. Сержанты пытались их выстроить, но я махнул рукой, мол, сойдет и так.

– Думаю, сегодня кузнец доделает звездочки, и уже все смогут попробовать свои силы в метании. Дело в том, что, как ее ни кинь, при попадании в цель она все равно воткнется, остается только научиться попадать в места, не защищенные доспехом.

– Почему ты не покажешь нам что-то новое в бою на мечях? – посыпались с разных сторон вопросы.

– Я не силен в бою на мечях, у меня было другое оружие, и я осваивал совершенно другие приемы ведения войны, – оправдывался я, – но я могу попробовать составить кому-нибудь из вас компанию. Только прошу строго не судить.

Все, что происходило вчера вечером, я воспринимал как свои дилетантские попытки копировать то, что когда-то видел по телевизору в исторических фильмах, и не более.

Гвардейцы образовали круг, и в него вышел один из воинов, здоровенный лоб, немногим меньше меня и, скорей всего, один из лучших мечников среди гвардейцев герцога. Мне предоставили возможность выбрать оружие, и я выбрал тот же меч, которым махал и вчера.

Парень не спешил нападать и пошел по кругу, рассматривая меня и мою стойку, которую я принял, я тоже решил не проявлять пока инициативу и поворачивался вслед за передвижениями гвардейца, чтобы всегда быть к нему лицом. Наконец парень сделал быстрое движение и попытался поразить мою левую ногу, выставленную чуть вперед. Я же, только он начал движение, уже знал, что он хочет сделать, и, даже не убирая ноги, отбил его меч и, странным образом изогнув кисть, ткнул его в предплечье. Гвардеец отскочил, нахмурился и снова пошел по кругу.

Мне надоело топтание на месте, и я, сделав вид, что буду атаковать из нижнего положения, в момент атаки перевел меч в среднее положение. И не давая ему разорвать дистанцию, сблизился и чиркнул своим мечом по кисти его руки, державшей оружие, после чего тут же поразил бедро выставленной вперед ноги и завершил комбинацию, повернувшись вокруг своей оси, прижав меч к его шее. Все это я проделал очень быстро, гвардеец и опомниться не успел. Победил я гвардейца в основном за счет скорости движения, я сам заметил, что двигаюсь очень быстро.

Заменив один меч на два чуть покороче, я, окончательно обнаглев, предложил выйти против меня трем противникам. Вышли трое воинов, один – стройный и подвижный как ртуть, двое других – вроде бы ничего особенного, только вот взгляд одного из них мне не понравился, может, задумал какую-то пакость.

Парни бросились на меня все сразу с разных сторон, наверное, отрабатывали такие приемы, я тоже не стоял на месте, бросился к тому, кто мне показался самым опасным. Смещаясь так, чтобы прикрыться от двух других его корпусом, поймал его меч в ножницы из двух клинков и попытался вывернуть его из руки. Но не удалось, он каким-то неуловимым движением сместил руку, и я всего лишь несильно ткнул его предплечье. И я тут же снова сместился, но уже в другую сторону, и снова был прикрыт корпусом воина от двух других. С этим парнем

прошло все, что хотел, я отвел его удар в сторону и ударил его вначале по ноге и потом, когда он непроизвольно опустил руку к месту удара, ударил его по ключице. Ударил несильно, чтобы не сломать, и толкнул его на того, с кем бился первым.

Гвардеец, чей взгляд мне не понравился, метнул в меня сюрикен, я был без брони, и это было очень опасно, попади он в меня, но я ожидал чего-то такого и успел присесть, сев почти на шпагат. Сзади меня раздался чей-то вскрик, наверное, сюрикен в кого-то попал. Вот же придурок, отмороженный, его я жалеть не стал и из положения полушпагата сильно ударил по голени. Я знаю, что это очень сильная боль, и пока он приходил в себя, я перекатом ушел вбок и назад, вставая на ноги. Оказался один на один с тем худощавым парнем, которого посчитал самым опасным и пытался первым вывести из строя.

Мы скрестили наше оружие, и парень и впрямь оказался лучшим, с кем я сегодня встречался, но я все-таки имел преимущество. Ведь при сражении двумя мечами против одного один меч всегда действует как щит, отводя и блокируя удары противника, а вот второй – уже нападение. Но парень и впрямь очень хорошо отражал мои удары и нападал сам, но все-таки попал на вертушку Хорманта, и я его оставил без руки. Образно, конечно, просто показав, что рублю ее, но вот добить его мне не дал тот метатель сюрикенов, который наконец дохромал к месту схватки. Возиться я с ним не стал, а так как был очень на него зол, произвел атаку с подшагом и, отбив его меч, изо всей силы саданул ногой в грудь. Летел он красиво и упал среди толпы, обступившей место схватки, правда, народ расступился, и упал он, основательно отбив копчик.

Я вытер пот и, повернувшись к тем, с кем только что сражался, отсалютовал им мечами и наклонил голову в честь признания их мастерства. Среди гвардейцев, что наблюдали за учебным боем, раздался крик одобрения, но полных почестей мне получить не удалось, так как ударил колокол, приглашающий на завтрак, и народ дружно кинулся насыщаться.

Я тоже поспешил смыть с себя пот и пойти на завтрак, когда был остановлен кузнецом, тот, смущаясь, протянул мне кожаный кошель.

– Возьмите сеньор, не побрезгуйте, это вам благодарность за то, что дали заработать бедному Ильмару за три дня четырехмесячную оплату.

Так как за душой у меня не было ни гроша, я отказываться не стал и спокойно принял подношение, поблагодарив Ильмара.

– Что вы, что вы, – замахал он руками, – это вам спасибо, вы мне просто подарили удачу, – засмеялся он, после чего мы с ним дружески расстались.

После завтрака, расставив гвардейцев в пары, заставил отрабатывать вертушку Хорманта при помощи меча и кинжала. Откуда я это знаю... Ха, спросите что полегче, но, что удивительно, я знаю название любого элемента, который смогу показать. Правда, откуда у меня эти знания, могу только догадываться.

Перед обедом я заглянул к кузнецу и начал его расспрашивать, где можно заказать хорошее оружие. Все-таки надо использовать здесь то же, что используют местные воины, а то, что у меня есть, это на крайний случай. Ильмар мне посоветовал пару мастерских в городе, но сказал, что все-таки лучше заказать мечи в столице. Я вообще-то тоже так считал, но мало ли что, пройдуся, посмотрю, приценюсь, в город мне выход, я так понял, не запрещен, вот после обеда и отправлюсь.

Глава четвертая

Узкие улочки города привели меня в район рынка, в скопление лавочек и небольших лотков, и даже мастерских. Заглядывая в лавочки, прицениваясь к выставленным товарам, я наконец набрел на лавочку оружейника. Войдя внутрь, я увидел за прилавком подростка, тот, задрав голову, рассматривал меня, по всей вероятности, гордый, что ему доверили столь важное дело. Постарался солидно так произнести, что отец отлучился на минуту и я могу пока просто посмотреть на образцы оружия. При этом, произнося фразу про образцы оружия, он надулся так, будто сам их изготовил.

Я обвел лавку взглядом. Мечи, сабли, ножи и кинжалы, отдельно висели луки и даже пара неуклюжих арбалетов, в углу сиротливо притулились боевые посохи. Пока я разглядывал то, что висело на стене, в лавку вошел, видно, ее хозяин и отец малолетнего продавца.

– Что интересует сеньора? – взял он сразу инициативу в свои руки. Я попросил показать пару заинтересовавших меня мечей, но хоть они и были сделаны аккуратно и у них был хороший баланс, но металл был мягкий, это была не сталь, обыкновенное железо, пусть и хорошо прокованное. Поинтересовавшись ценой, я обалдел, когда оружейник назвал цену – целых три золотых. Я уже разобрался в ценах, и заявление хозяина лавки меня удивило. Я не стал ни торговаться, ни показывать своего удивления, купить я это все равно не мог, распрощавшись с хозяином лавки, пошел дальше. В следующей лавке повторилось то же самое, в общем, устав от жары, пыли и шума, я уже направлялся в таверну, решив отведать стряпню местного общепита. На это у меня должно было денег хватить. Но меня привлекли шум и толпа зевак на главной площади городка.

Протолкавшись поближе, я разглядел жрецов в белых одеждах с красными отметинами по подолу, напоминающими языки пламени, деревянный столб, вокруг которого были уложены связки хвороста.

– Что тут будет? – спросил я рядом стоящего парня.

– Как что, ведьму будут сжигать, старую Любицу-лекарку, – ответил тот, – не знаешь, что ли?

– Вчера только в город приехал, поздно, – ответил я, чтобы не вызывать подозрение.

– А-а-а-а... – протянул парень и отвернулся, потеряв, видно, ко мне интерес.

Откуда-то, я не заметил, вывели старую, седую, растрепанную женщину в сером грубом рубище. Она шла еле передвигая ноги, покрытые ожогами и ранами, наверное, это были следы пыток. По приставленной лестнице она поднялась и по проложенной доске прошла к столбу. Мне подумалось, что, скорей всего, она была чем-то опоена, уж очень спокойно относилась к происходящему. Или пытки довели ее до такого состояния, что проще было умереть, чем их терпеть.

Один из конвоирующих ее жрецов заскочил вслед за ней и, быстро примотав ее к столбу, бросился обратно. Следующий жрец, видать, более высокого ранга, зачитал прегрешения приговоренной и махнул рукой, тотчас державшие в руках факелы поднесли их к хворосту у столба, и тот вспыхнул, разгораясь. Скорей всего, он был чем-то облит, потому что пламя занялось ровно и одновременно со всех сторон. Огонь, по всей вероятности, пробудил жертву от сонного состояния, и она оглядела толпу, собравшуюся посмотреть на происходящее.

– Люди, что же вы делаете, люди, я же лечила вас, я же многих спасала, а вы... – вдруг раздался ее ясный, громкий голос с небольшой хрипотцой. Жрецы, стоящие тут же, затаили свое песнопение, и голоса женщины стало не слышно. Рядом всхлипнула какая-то женщина, на нее шикнул стоящий рядом мужчина, и она смолкла, лишь вытирала катящиеся из глаз слезы. У меня за плечами имеется небольшое свое кладбище, и я в моем мире вдоволь насмотрелся

и на смерти, и на трупы, но эта казнь выбила меня из колеи. Я развернулся и стал выбираться из толпы, по пути заметив, что многие женщины роняли слезы, а мужчины были хмуры.

Даже что-то есть перехотелось, миры разные, а все одно и то же, думал я, шагая по городу, краски как-то сразу поблекли, и меня уже не радовало ни солнце последних теплых дней, ни сам город. В таверну я все же решил зайти, на обед в замок я уже опоздал, а вот есть мне в этом мире хотелось постоянно.

В заведении было относительно прохладно, несколько столиков было занято, за тремя сидели компании и наливались местным алкоголем, еще за двумя столами сидело по одному человеку, они ели, изредка тоже прикладываясь к кружкам.

Я уселся за свободный стол у стены и стал ждать подавальщицу, которая порхала по залу, разнося заказы. Наконец она освободилась и подошла ко мне, молоденькая, симпатичная девчонка лет пятнадцати-шестнадцати, она прям светилась вся молодостью и здоровьем.

– Что будет сеньор заказывать? – спросила она.

– Я впервые в этом заведении, что бы вы посоветовали? Но только такое, чтобы я не отравился, – проговорил я, с удовольствием ее разглядывая. Девчонка прыснула, потом поправила передник.

– У нас не травят посетителей, но я бы посоветовала вам жаркое с овощами и пиво.

– Хорошо, поверю вам на слово, принесите мне всего по порции.

И она унеслась на кухню, чтобы появиться через несколько минут с заказом. Все было и вправду вкусно, и пиво было свежим, я с удовольствием предался чревоугодию, абсолютно не замечая происходящего вокруг, но мое внимание привлекли шум и забористые высказывания.

Девчонка несла новый заказ, когда за одним из столиков клиент резко взмахнул рукой, зацепив поднос, который несла подавальщица. Все, что было в том заказе, разлетелось по залу, попав на того, кто махал рукой, на саму девчонку и даже на нескольких человек за соседним столом. Облитый каким-то соусом зачинщик инцидента взревел недорезанным хряком, которого он чем-то напоминал, и ударил девчонку кулаком, хорошо, что он был пьян и удар был смазан, иначе бы он ее убил. Подавальщица отлетела, упала на лавку, потом с лавки под стол. Один из тех, кто был облит за соседним столом, кинулся ее вытаскивать, ухватив за ногу, при этом громко крича и матерясь.

И тут она заплакала, как плачет незаслуженно обиженный ребенок, громко, навзрыд, и такая тоска слышалась в этом плаче, меня словно окатили холодной водой. Я отбросил в сторону стол, за которым сидел, и ринулся на помощь девчонке, походя засветил локтем в грудь тому, кто ее ударил, и он приземлился на стол, разбрасывая тарелки, опрокидывая кувшины и кружки. Хорошо приложил ногой того, кто, согнувшись, вытаскивал девчонку, удар мне самому понравился, как у хорошего футболиста, того унесло куда-то к двери, он там и остался лежать.

Но зато собутыльники и одного, и другого пострадавшего, радостно заорав, накинулись на меня, и пошла веселуха. Удары я не сдерживал и отвешивал от всей души, бил руками, локтями, ногами, кто-то метнул кружку, и я не успел увернуться, она разбилась у меня на голове, и кровь стала заливать мне глаза. Тут я совсем озверел и метель стал так, что народ летал по помещению, как бабочки в летний день. Мелькали какие-то мужики в блестящих одеждах, которые пришли на помощь моим соперникам, а так как я уже плохо видел, то я не стал их сортировать, отвешивал всем. Затем кто-то стукнул меня сзади по голове, и я погрузился в темноту.

Пришел в себя я тоже в темноте, лежа на какой-то соломе, и, на удивление, чувствовал себя я прекрасно, немного щипало лоб, я его потрогал, там оказались шишка и подсохшая рана. И у меня, на удивление, было прекрасное настроение, наверное, это я просто снял стресс, накопившийся за время моего перемещения, казни лекарки и понимания того, что теперь я в этом мире навсегда. Как ни делай спокойный вид, что все случившееся в порядке вещей, но от

правды не уйдешь и сам себя не обманешь. Ни с того ни с сего оказаться в другом мире, тут и головой тронуться можно. Посидел, подумал и решил, что проблемы будем решать по мере их поступления, как говорится. И я снова растянулся на соломе, пытаюсь уснуть.

Пришли за мной утром, два стражника открыли дверь и сказали, чтобы выходил, я вышел, и они повели меня по переходу и вывели на улицу. Потом завели в рядом стоящее здание в одну из комнат, в ней находился стол и в высоких креслах сидели несколько человек в мантиях. Сидящий в центре стола худой старик о чем-то переговорил с сидящими рядом, поглядывая на меня, затем что-то прочитал в лежащей перед ним бумаге и поднял на меня глаза.

– Ты кто такой, назови себя, чем занимаешься и почему ты устроил драку, – наконец проскрипел он, глядя на меня водянистыми навывкате глазами.

– Зовут меня Сергей Дешин, в настоящий момент кое-чему обучаю гвардейцев герцога Лари Сальмери по его желанию.

Сидящие за столом переглянулись, главный откашлялся.

– Хм-м... это мы проверим.

И после этих слов сидящий с краю, наверное, какой-то мелкий клерк, выскочил за дверь.

– Ты почему устроил драку, или ты был так пьян, что ничего не помнишь? – продолжил старик нагнетать.

– Я заступился за избиваемого ребенка, тем более девочку, – принялся объяснять, что заступился за девчонку подавальщицу и что был абсолютно трезв.

– Ты заступился за простую подавальщицу и говоришь, что был трезв. Она что, твоя любовница, какое тебе дело до какой-то серой мыши? И ты со спокойной совестью убил четверых горожан, да и еще трое вряд ли выживут, и покалечил шестерых стражников всего лишь потому, что эта девка плакала? – старик вылутился на меня с недоумением. Я пожал плечами.

– О развитом обществе говорит то, как оно относится к детям, если оно заботится о них, думает об их будущем, значит, это цивилизованное и развитое общество, потому что дети впоследствии все равно получают мир в свое пользование. И каким им его оставят, с какими нравственными устоями, зависит от тех, кто их воспитывал – родителей, правителей и просто окружающих их людей.

– Ты будешь мне рассказывать, как строить общество, да я... да ты... если только от герцога никто не придет, завтра тебе отрубят голову. Почему он не в кандалах, почему, я вас спрашиваю?! – завизжал старик, наливаясь синевой. Потом он вдруг закашлялся, посинел еще больше и упал лицом на стол.

Я всегда делал нелогичные поступки, вот и сейчас бросился к столу, растолкав остальных членов судилища, взгромоздил деда на стол и принялся делать ему массаж сердца. Через некоторое время сердце неуверенно стукнуло раз, затем еще раз, дед вздохнул, бледность стала отступать, и лицо стало розоветь.

– Его надо осторожно отправить домой и срочно показать врачу.

Я вернулся на свое место, пока все бегали и сустились, стражники даже слова не сказали, только посматривали на меня осторожно.

– Может, мы с вами присядем, они еще долго носиться будут, чего стоять, вон и стулья освободились, – сделал я предложение и, видя, что стражники мнутя, вконец обнаглев, пошел, взял стул, отодвинул его от стола и уселся. Усевшись на стул, стал разглядывать себя, раньше у меня просто не было на это времени. Да, хорош, а со стороны, наверное, вообще мрак: рукав пошитого всего два дня назад камзола надорван, воротник тоже, карман оторван и болтается на двух стежках. Денег нет, ножа тоже, хорошо, что я не взял с собой пистолет, а может, и плохо, положил бы там всех обормотов по-быстрому и ушел бы, пусть потом ищут. Да... нож надо возвращать по-любому. Если никто не придет от герцога, то дело-то неважное. Ну, скажем, оружие я себе какое-никакое отберу. Я внимательно посмотрел на стражников, и

они подобрались, напряглись и даже немного побледнели, как будто услышав мои мысли. Но это при условии, что меня не закуют в кандалы, как предложил тот старый сердечник.

Вот, спрашивается, на хрена я его откачивал... умерла так умерла, как говорится, так нет же, полез, еще бы искусственное дыхание ему сделал, рот в рот. Представив эту картину, я засмеялся, стражники вздрогнули и отодвинулись от меня еще дальше.

– Слышите, парни, сильно я там ваших покалечил?

Они замаялись, потом один шепотом сказал:

– Одному челюсть сломали, другому руку, сержанту нос набок своротили и ребра поло-
мали, теперь долго лечиться будет. – При этих словах они заулыбались, наверное, достал их в свое время сержант. – Ну и так, по мелочи, синяки, шишки, но много, у одного вообще все лицо синее. А убили вы Живоглота из ночной гильдии да троих его подельников, за них вам вообще премия положена. Так что убивать вас вряд ли будут, но штрафанут знатно, даже, может, больше, чем премия.

Тут в дверь заглянул капитан герцога и, увидев меня, заулыбался.

– Что, убивец, сидишь... Вот удивляюсь, чего ты еще этих не убил и не сбежал, совсем ленивым стал. Ну сиди, сиди, а я пойду разбираться, – капитан хохотнул и удалился. Стражники посмотрели на меня еще с большей опаской и отодвинулись еще дальше, хотя мы и так были в разных сторонах комнаты.

Через некоторое время капитан заглянул снова в дверь, осмотрел комнату и непонимающе уставился на меня.

– Чего ждешь, пошли, у меня дел еще воз и маленькая тележка, а тут с тобой возись.

– У меня вещи пропали, я без них не уйду.

– Какие вещи?

– Нож.

– Ты что, смеешься, в замке я тебе их десяток дам на любой вкус.

– Этот нож передается из поколения в поколение, – начал я придумывать.

Капитан грозно посмотрел на стражников.

– Что скажете?

– Надо спросить у дежурного офицера, – проговорил один из них.

– Ладно, пойдем поинтересуемся, может, что и найдем.

Пройдя по коридору, мы зашли в одну из комнат, в которой скучал мужчина моих лет.

– Привет, Вилем, – сказал капитан, – тут у моего вещи пропали, у тебя по описи что-то есть?

– Привет, Тедор, – ответил тот. – Этот разбойник твой? – кивнул он на меня.

– Мой, Вилем, мой, так что там с описью?

– Сейчас гляну, ты его в город не выпускай, или только под охраной, он вчера четверых прибил, ладно хоть с ночной гильдии, но еще из гильдии кожевенников человек пять при смерти, да наших шестерых покалечил. А, вот нашел, там кошель с сорока медяками и нож. Вот кошель. Слушай, ты нож не продашь? – обратился он ко мне. – Никогда таких не видел, и острый – жуть.

– Не могу, наследственный, от прапрапрадеда остался.

– А-а-а, тогда понятно, могли раньше делать, не то что сейчас. И как ты его вчера в ход не пустил, смотришь, половину ночной гильдии сегодня бы и похоронили, все нам работы меньше, – хохотнул он напоследок. У крыльца нас ожидало двое гвардейцев и четыре коня.

– Вы проводите его в замок, чтобы он нигде не заблудился, а ты по приезде приведи себя в порядок – и на доклад к герцогу.

С этими словами капитан вскочил на коня и умчался, мы же с моими сопровождающими не спеша поехали в замок. Меня, естественно, стали расспрашивать, что да как, ну а я не стал скрывать и немного даже приукрасил, так что до замка мы добирались весело.

Быстро умывшись и поменяв рубашку, я не стал надевать камзол, а так и пошел на доклад к герцогу и маркизу, по дороге заскочив в швальню и попросив отремонтировать одежду.

На этот раз меня проводили в библиотеку, оба – и герцог, и маркиз – рылись в каких-то свитках, но, оставив свои дела, принялись меня расспрашивать. Я сегодня рассказывал мои похождения уже в третий раз и красок не жалел. Они хохотали так, что в комнату стали заглядывать испуганные слуги, не понимая, что здесь происходит. Когда рассказ закончился и аристократы отсмеялись, мне снова задали вопрос по поводу любовницы. На что я им, так же как и, ратуше, рассказал про отношение к детям.

– Но она ведь уже взрослая, – сказал герцог, разглядывая меня, как будто видел в первый раз.

– Там, где я жил, она считается еще ребенком, и чтобы стать взрослой, ей надо прожить еще два года.

– А где ты жил? – тут же последовал вопрос от маркиза.

– Не помню, вот это вспомнил, фамилию вспомнил, а больше пока ничего.

– Что такое фамилия? – спросил герцог. Я на мгновение задумался.

– Это имя рода, – наконец пришло мне в голову.

– И как имя твоего рода? – спросил на этот раз маркиз.

– Дешин... Серж Дешин.

Герцог и маркиз переглянулись, потом герцог махнул рукой, отпуская меня, и я ушел.

По всей вероятности, людская молва уже создала мне ореол хладнокровного убийцы, и число моих жертв росло при каждом новом пересказе в геометрической прогрессии. Спускаясь по лестницам и проходя по коридорам дворца, я заметил, как народ старался убраться с моего пути, а если уже не мог, то замирал, прижавшись к стенам.

Все это меня позабавило, а с другой стороны, конечно, это было не очень приятно, ну кому понравится, что тебя считают отморозком, для которого человеческая жизнь ничего не значит. Пусть за моей спиной кладбище не из одного десятка жертв, но это были враги мои и моего государства. И все равно мы хотим выглядеть лучше, чем даже есть на самом деле. Да... как-то неловко вышло, но и жалеть не стоит, это же надо – здоровый мужик бьет в лицо по сути ребенка, девочку, и при этом считает себя правым.

Выйдя на улицу, я целенаправленно зашел к себе, переоделся в свою старую одежду и пошел на тренировочную площадку. На площадке были только проштрафившиеся, отрабатывали рубку и некоторые элементы защиты и нападения, что показал им я.

Я начал со снарядов, развивающих силу, чтобы разогреть мышцы, поднимал камни, пробежал пару кругов с бревном, потом проскакал с этим же бревном по чурбачкам, врытым на разной высоте, все убыстряя и убыстряя темп. Взял два меча и начал бой с тенью, меня охватило какое-то упоение, я рубился с врагами, лучшая защита – это нападение, и я нападал, нападал и нападал, последний враг, последний удар – я вложил в него всю силу. Все, враг повержен, я опускаю мечи и прихожу в себя, медленно осматриваюсь вокруг.

Все, кто находился на площадке, замерли и смотрят в одно место, я тоже перевел туда взгляд и остолбенел. В горячке боя с тенью или воображаемыми врагами я перерубил один из столбов для отработки рубки, сантиметров пятнадцать в диаметре. Перевел взгляд на меч в моей руке... Это уже не меч, так, больше на бумеранг похоже, теперь его только в переплавку.

– Наверное, подрублен уже хорошо был, вот и развалился, – проговорил я для окружающих, хотя прекрасно видел ровный срез, идущий наискось. Поставив мечи в стойку, повернулся и пошел с площадки, очень хотелось есть, я сегодня пропустил и завтрак, и обед. С мыслями о еде я поплелся к кухне, деньги есть, может, что-нибудь выпрошу у кухарок.

Но мне просто повезло. Узнав, что я целый день ничего не ел, мне навалили целую миску каши, вернее даже – мяса, с ложкой каши для разнообразия. Дали несколько сдобных булочек,

предназначенных на ужин для хозяина замка и его гостей, и кружку сладкого компота. И при этом страшно обиделись, когда я предложил им за это денег.

Оказалось, все просто, женщины узнали, что я защищал девочку подавальщицу, которую даже не знал, жестоко избиваемую ночной гильдией и гильдией кожевенников. И в порыве благодарности готовы были кормить меня любыми деликатесами. Им ведь тоже достается периодически, женщина всегда стояла ниже на социальной лестнице по сравнению с мужчиной, так почему бы не сорвать плохое настроение и злость на том, кто ниже тебя.

Плотно покушав, я спокойно пошел к себе в комнату, теперь с голоду я точно здесь не пропаду.

Глава пятая

Правитель тонгирцев хлопнул в ладоши, и тот же час перед ним возник слуга, с поклоном ожидающий приказа.

– Позови ко мне верховного шамана, пусть, как закончит возносить хвалу богам и духам предков, сразу же придет ко мне.

Слуга попятился и исчез так же быстро, как и появился. Ильторн бросил в рот виноградину и прилег поудобней. Вот уже три года как он вселился в это тело, да, оно для него очень маленькое, хрупкое и ничего не умеющее, эти слабые ручонки и ножки просто... тьфу. Но пока другого ничего нет, и надо привыкать, вот он и привыкает. Три года назад он, самый маленький, нищий и презираемый демон, по сути, изгнанник последнего плана Арха Горх, вселился в этого человека. Ему говорили, что это сложно и при его слабеньких магических силах невозможно, ему все-таки удалось вселиться в этого человечешку. То, что это некомфортно, неудобно и противно, то тут все правильно, а вот вселиться удалось очень даже легко. Просто бывший владелец этого тела был пьян, Арха Горх появился и рыкнул на него, и личность владельца тела испуганно забилась в самый дальний угол сознания и выглядывала только по приказу. Но сейчас все в прошлом, и Арха даже не знает, живо ли сознание прежнего хозяина или уже развеялось.

Почти в то же время, когда он захватил это тело, появился тут и какой-то сумасшедший жрец, он и пробил канал в его мир, который находился рядом. Теперь Арха иногда поглядывает, что там происходит, да таскает оттуда домашних животных. А здесь эти животные идут как чудища, вот драгон, который там выполняет такую же роль, как здесь собаки, или ербит, которого используют для грязных работ, уборки мусора и копки земли, тут ужасный трехметровый великан. Или взять тех же наор, они и дома выполняют роль погонщиков драгонов, ухаживают, кормят их, моют, а здесь все боятся просто заглянуть под капюшон и увидеть череп, обтянутый кожей.

Раньше он сам мог прислуживать только небогатым горожанам последнего плана мира Юртонга. Да и ту возможность потерял, когда перегрел подливу к национальному блюду на празднике. Его избил главный повар и выбросил на этот план, отсюда никогда никто не возвращался. Почему – он не знал.

Он долго прятался от всех, трясся от холода, и еще бы немного – и замерз бы насмерть, теперь он понимал, почему отсюда никто не возвращается, но повезло. Теперь он может приказывать все, что ему захочется, он стал питаться эманациями страха и душами, заметно вырос, растолстел и обленился. Это нисколько не отразилось на теле, которое захватил, а вот настоящее его тело хорошило на глазах. Он очень надеялся, что лет через сто он наконец сможет принимать боевую форму. Он им еще всем покажет, он завоюет весь этот мир и будет править так, как захочет.

В дверь заглянул слуга.

– Великий, пришел верховный шаман.

– Пусть войдет, – разрешил Ильторн.

Худой и сморщенный старик вошел и, низко кланяясь, засеменил к ложу, на котором полулежал правитель тонгирцев. В свое время верховный шаман уговорил его начать завоевания, пусть не континента, но ближайших соседей точно. Почему жрец был так злобно настроен к соседям, он говорил, что только оттого, что от них очень часто приходилось отбиваться. И, в конце концов, надо показать силу, чтобы отбить охоту зариться на чужие земли и нападать. Но так ли было на самом деле, никто не знал. Старик стал засылать шпионов, подкупать окружение правителей, и они уже смогли захватить несколько вольных баронств и маленькое королевство. Но это окрылило и старика, и нескольких дворян, имеющих большой вес, и решение

о войне приняли единогласно. Архе не хотелось воевать, ему и так было хорошо, но старик настаивал, и в конце концов он уступил, когда узнал, что ему необязательно лично принимать участие в битвах. Подумав, он дал полную свободу Бархасу, так звали шамана, и тот с радостью занялся подготовкой к войне. Даже создал совет из беков и вождей кланов, в принципе, тот мог бы просто приказать, но поступил хитрее, все вкладываются в войну и деньгами, и воинами, решение-то принимали они.

– Великий, да пребудет с тобой удача, да продлятся твои годы жизни, я сделал все так, как и договаривались, через три месяца мы проведем большое жертвоприношение, и никто не в силах будет закрыть проход в мир демонов. Мне надо накопить еще ингредиентов и жертв, – старик согнулся, кланяясь, и посмотрел на властителя тонгирцев красными, слезящимися от усталости глазами. – Прости, великий, но внучку маркиза Мекеля Доренье мы хоть и похитили, но довести не смогли, ее отбили по дороге.

Ильторн, или Арха, махнул рукой.

– Нам это чем-нибудь грозит?

– Нет, великий, но маркиз очень влиятелен в Анторне, и можно было бы его заставить к нам прислушаться, шантажируя жизнью ребенка. Наши люди подкупили его прислугу и няню, которая под видом прогулки вывела ребенка за территорию дворца. Где мы обоих и схватили, но почему-то все равно быстро подняли шум и принялись искать малышку. Перекрыли все дороги, и в конце концов наших людей выследили, и Бажену, так зовут ребенка, отбили.

– Ладно, старик, отдыхай и копи силы, ты мне еще нужен.

Архе не нужен был большой канал в его мир, с большим каналом его быстрее вычислят, и кто знает, что сделают. Может, просто прибьют, ведь он воровал и драгонов, и ербитов, и наоров, воровал, а за воровство в мире Юторга только одно наказание – смерть. Ему нужен небольшой прокол, в который он мог бы изредка проникать, а все эти жертвы, камлания, призывы духов нужны в большей степени для антуража. Роль во всем этом играло заклинание из книги Хаоса, которую принес жрец другого народа, и это заклинание вплетали в песнопение жрецов, что поддерживало прокол. После пробоя появился местный божок, который стал грозить и пытался извлечь его из тела, но ничего у него не получилось. Поначалу Арха хотел просто тихонько жить, никого не трогая, но попробовал однажды эманации страха и душу умирающего... Он уже больше не мог от этого отказаться, это как дым пурпурного лотоса, который иногда вдыхали аристократы его мира. Арха усмехнулся и снова бросил в рот виноградину.

* * *

Вчера капитан повел меня в оружейку замка и предложил выбрать любое оружие, которое мне глянется. Я долго перебирал, пока не остановил свой выбор на парных мечах – немного изогнутые, но с отличной балансировкой, очень хорошо легли в руку, словно были сделаны под меня. Правда, они были кое-где тронуты ржавчиной, но сталь у них была хорошая. Выбрав мечи, я заказал к ним ножны и ремни крепления, а сам принялся их оттирать и полировать. Возился целый день, пока не довел их до хорошего состояния и лезвия не стали гладкими и блестящими.

А через неделю мы вместе с маркизом, его малолетней внучкой и сестрой (как оказалось, та женщина из кареты была его сестрой), а также с тремя десятками гвардейцев герцога отправились дальше в столицу. Раны маркиза зажили, пусть и не совсем, но неотложные дела, ждавшие его в столице, просто больше не оставляли времени на лечение. Да и до столицы еще неделя пути, и это при том, если не будет никаких задержек в дороге.

На ночевки останавливались на постоянных дворах, принадлежащих короне, рядом с частными постоянными дворами часто располагались и королевские. В принципе, почти ничем они не отличались, кроме одного: государев человек, едущий по делам службы, мог перевести

оплату за услуги на свое ведомство, получить, если надо, новых коней или небольшой заем, если поиздержался в дороге. Все было открыто, честно и быстро, управляющий получал все затраты с десятипроцентной надбавкой. Располагались такие постоянные дворы в одном конном переходе друг от друга, если на дороге был частный двор, то снова в одну и вторую сторону от него строились следующие постоянные дворы. Вообще, как я заметил, королевство было небедным, и народ не был забитым и безропотным.

Уже наступила осень, и по утрам стоял довольно сильный туман, он, конечно, постепенно развеивался, когда вставало солнце, но чем дальше мы двигались на север, тем солнца было меньше и меньше. На четвертый день пути на нас напали. Не успели мы отъехать и на пару километров от места, где ночевали, как вдруг из тумана вылетели стрелы, они летели плотно, и сразу же раздались крики раненых, и несколько человек упало с коней. Гвардейцы плотно окружили карету и закрылись щитами, я щита не имел, спешился и, согнувшись, чтобы быть менее заметным, побежал в сторону, чтобы попытаться зайти лучникам с тыла.

Двигался быстро и осторожно, на ногах были мягкие сапоги, и если я в берцах умел ходить бесшумно, то в этой обуви тем более не сплюховал. Метров через тридцать бега на полу-согнутых я лег и пополз. Хорошо, трава высокая. Туман стоял стеной, и я чуть не воткнулся в одного из лучников. Выдал его басовитый гул тетивы, я затаился и зашел к нему сзади, и когда осталось метров пять, достал сюрикен и сильно метнул, Стрелок, тихо всхлипнув, упал лицом вперед, а я так же тихо переместился чуть в сторону и увидел еще одного, с ним поступил так же. Я успел уничтожить четверых, когда вдруг в спину меня ударило словно кувалдой. Я сделал вид, что убит, и упал, только падал я на спину и сжал рукой нож.

– Ворон, посмотри, там вроде бы кто-то не наш, я его, кажется, убил, ты ближе всех, проверь, – проговорил негромко невидимый стрелок на языке тонгирцев. Послышался шелест травы, и из тумана вынырнул вначале силуэт, быстро превратившийся в молодого мужчину небольшого роста. Я смотрел на него из-под опущенных ресниц, парень был очень молодой, почти мальчишка, и, по всей вероятности, сильно боялся, поэтому он потыкал в меня луком и, развернувшись, проговорил в туман:

– Ентобар, он мертв, что делать? Ох он и здоровый.

– Обшарь его, гвардейцы богатые, и побыстрее, скоро будем уходить.

Парень наклонился надо мной, и я ударил его кулаком в горло, а второй рукой закрыл рот. Тот молча свалился прямо на меня, я перевалил его и пощупал пульс, не убил ли – нет, пульс бился. Оставил пацана и пополз в ту сторону, откуда слышался второй голос. Через некоторое время увидел мужика с седыми усами и бородой, он, отвернувшись от меня, издал крик сороки и двинулся в ту сторону, где был недавно я. Пропустив его мимо себя, я, распрямившись, кинулся на него. Все-таки это был опытный воин, в последний момент он что-то почувствовал и стал разворачиваться, выхватив кинжал. Но больше ничего он сделать не успел, я ткнул его за ухом костяшками пальцев, и он упал мне под ноги. Схватив его за шиворот, я побежал, волоча его по земле, к карете, по пути прихватив и мальчишку.

Гвардейцы так и стояли, закрывшись щитами и окружив карету, правильно рассудив, что в туман двигаться опасно, да и боялись. Надежней дожидаться или неприятеля, или выхода солнца и рассеивания тумана. Если выскочит неприятель, то победить тридцать гвардейцев не так просто, и надо не менее сотни тонгирцев, даже если с ними будут драгоны. У гвардейцев есть пики, и так их не возьмешь, кроме того, у них хорошие брони и умение владеть мечом намного выше.

Увидев меня с двумя тонгирцами в руках, сказать, что они удивились, значит ничего не сказать. Перед моим появлением как раз прекратили стрелять, они, наверное, решили, что я всех врагов убил. Отмахнувшись от вопросов, я потащил ветерана на другую сторону кареты, чтобы мне никто не помешал его допросить. Ну мало ли, а вдруг его подчиненные решат, что

надо его ликвидировать, чтобы мы ничего не узнали. Я решил на всякий случай обезопаситься, оставив мальчишку им, и попросил поговорить с ним.

Вылил флягу воды на лицо моей добыче, дополнительно похлопал по щекам, и ветеран, так я его окрестил, начал приходить в себя. Нет, поймите правильно, я не кровожадный маньяк, но и излишним человеколюбием в отношении тех, кому хочется меня убить, тоже не обременен. А еще меня учили проводить экспресс-допрос в полевых условиях, я знал, куда ударить, где нажать, чтобы допрашиваемому небо с овчинку показалось и при этом он был бы способен все рассказать.

После беседы с тонгирцем выяснилось, что нас на пути ждет еще не одна засада. Гвардейцы посматривали на меня со страхом и спешили уйти с дороги. Туман уже разогнало поднявшееся солнце, и я, оттерев руки от крови, прошелся там, где недавно прятались нападавшие, собрал трофеи и свои сюрикены.

Потом переговорили с командиром гвардейцев и маркизом, определились с порядком движения, назначили авангард, арьергард и фланговое охранение, мне же достался свободный поиск. После начала движения я выдвинулся вперед и двигался в полукилометре от авангарда.

Еще одно нападение было совершено под самый вечер, когда на землю начали опускаться сумерки, из-за небольшой рощицы вылетело не менее полусотни конников, и они устремились в атаку на охрану кареты. При этом могу сказать с уверенностью, что это были не тонгирцы, правда, нападавшие просчитались, пусть их и было в два раза больше. Но когда они все втянулись в схватку, сзади ударили гвардейцы, находившиеся во фланговом охранении. Я оказался в самом центре схватки, и пришлось вертеться, отражая удары и разя в ответ. Бой был яростный и быстрый, гвардейцы успели подготовиться к встрече противника и даже смогли бросить сюрикены в нападавших. Что оказалось для врага неожиданностью, кто-то попал, кто-то нет, но это сразу внесло в ряды нападавших небольшую неразбериху.

На меня налетел, яростно визжа, мордатый воин в добротных доспехах и попытался меня зарубить, я отбил его меч и сам ударил и, не глядя, что там с ним происходит, сразу же отразил нападение следующего. Затем еще и еще, поворот влево, вправо, блокировка удара, сам наношу удар, снова блокировка, и так много раз, только успевай поворачиваться. Сзади меня двигается пара гвардейцев, прикрывая спину, это хорошо, потому что оглянуться назад просто нет времени. И вдруг враги закончились. Мы пробились сквозь строй нападавших и оказались у них за спиной. Ни на мгновение не задерживаясь, развернулись и снова вклинились в ряды противника.

Продолжался бой недолго, враг вдруг развернулся и кинулся уходить, преследовать его никто не стал. Отдышались, посчитали потери, было четверо убитых и трое раненых, а если прибавить четверых раненых утром, то отряд уменьшился чуть ли не вполовину. Правда, врага положили не в пример больше, но если произойдет еще пара таких нападений, то защищать карету будет некому. Уже стемнело, и надо было принимать решение, оставаться здесь или двигаться дальше. Опасно было и то и это, потому что у врага была возможность маневра, а у гвардейцев ее не было, они привязаны к карете.

Решили остановиться, но дальше по дороге, еще надо было предать земле павших гвардейцев. От последнего решили отказаться, так как копать было нечем, собрали трофеи, поймали с десятков коней и, отъехав от места схватки, стали устраиваться на ночлег. Выставили посты и секреты, хорошо, что на всякий случай брали с собой и провиант, и даже несколько палаток. Наспех сварили какую-то похлебку, накормили раненых, поели сами, и все стали устраиваться спать. Палаток, естественно, не хватило, поэтому половине гвардейцев, включая посты и секреты, досталось спать на свежем воздухе.

Я устроился чуть в стороне, кинул на землю попону и укрылся колючим, но теплым одеялом из овечьей шерсти, которое мне подарил кузнец перед отъездом. Заснул на удивление быстро и спал без сновидений. Разбудило меня чувство опасности, я открыл глаза и осмот-

релся, не шевелясь, только медленно поворачивая голову. Метрах в пяти от меня двигались какие-то размытые тени; попытался приглядеться, но взгляд постоянно соскальзывал, и тем не менее понятно было, что это враг. Удивительно, как они пробрались мимо гвардейцев, охраняющих лагерь. Раздумывать было некогда, и я медленно, чтобы не привлечь внимания и не заставить врагов действовать быстрее, потянул из кобуры под мышкой пистолет.

Тихо повернулся и попытался прицелиться, с большим трудом, но мне это удалось. Повезло, двигались они от меня и на фоне тлеющих костров были хорошо различимы. Плавню нажал на курок, выстрел в ночной тишине раздался как гром среди ясного неба, я увидел, что тот, в кого целился, упал. И в этот момент пропало наваждение, я стал нормально видеть эти тени, они приобрели четкие очертания, и я стал быстро стрелять. Выстрелить удалось пять раз, но попал всего лишь четыре раза, лагерь проснулся, и стрелять было опасно, чтобы не зацепить своих. Сунув пистолет в кобуру, схватил свои мечи и стал спокойно ждать, побегут обратно – встречу, а не побегут, так там и без меня справятся.

Все-таки несколько человек бросились обратно, и я одного зарубил, а одного сбил с ног и оглушил. Пока он валялся, а лагерь гудел как потревоженный улей, собрал свою постель и, прихватив пленного, потащил в лагерь. Дотащив его до первого костра, бросил под ноги ближайшему гвардейцу.

– Присмотри, потом с ним поговорю, – попросил я его, а сам пошел к палатке маркиза, где уже собрались несколько человек. Не успел подойти, как на меня накинута Арум, гвардеец, который бросил в меня звездочку во время показательного боя.

– Ты где был, почему ты шатаешься, где тебе вздумается?

Я был просто ошарашен, но тем не менее ответил:

– Во-первых, я, как и ты, спал, во-вторых, кто ты такой, чтобы задавать мне такие вопросы, ты что, стал заместителем маркиза?

После этих слов народ начал посмеиваться. Арума не любили, отец его был купцом, и почему он оказался в гвардейцах, было непонятно. Человеком он был злопамятным и, по слухам, наушничал герцогу о разговорах и обо всем, что происходит в казармах. Но так как пойман ни разу не был, все так и оставалось на уровне слухов.

– Может, это ты навел их на нас, – не унимался тем не менее Арум.

– У тебя, наверное, при падении на ристалище последние мозги вылетели, – проговорил я, и народ стал откровенно ржать.

– А ну, прекратили! – приказал маркиз, появляясь из палатки. – Ты кто такой? – уставился он на Арума. – А ну, отстань от него. Где старший охраны, проверить посты и секреты!

– Да, ваша светлость, сейчас их как раз и проверяют.

– Хорошо, как вернутся, пусть доложат, всем разойтись, проверить соседей и раненых. Серж, зайди ко мне, – проговорил маркиз и скрылся в палатке. Я последовал за ним.

В палатке горела свеча, стоявшая на столе.

– Присаживайся, я так понимаю, это ты поднял тревогу, чем-то громко хлопая, как тогда на дороге, наверное, это какое-то оружие.

Я замаялся, врать не хотелось и не хотелось отвечать на последующие потом вопросы, если отвечу утвердительно. Но маркиз не стал развивать дальше эту тему.

– У нас вас называют воинами сумеречного ордена, почему так называют, я не знаю. Я хочу тебя попросить об одолжении, если вдруг со мной что-то случится... Подожди, дай мне договорить, – видя, что я хотел что-то возразить, остановил он меня. – Во что бы то ни стало надо спасти Бажену, дай мне слово, что ты это сделаешь.

Я не смог отказать ему в этой просьбе и поклялся, что выполню то, о чем он просит. Получив от меня клятву, которой добивался, маркиз отпустил меня.

Поспать мне уже так и не удалось, после того как я покинул палатку маркиза, вспомнил, что мне надо поговорить с моим пленником, о котором я маркизу даже не обмолвился. Поискав глазами кострище, возле которого оставил пленника, направился к нему.

Человек, захваченный мною, и близко не напоминал тонгирцев, те были ростом не более метра шестидесяти, черноволосые, смуглые и круглолицые, чем-то напоминавшие наших бурят, в общем, такой азиатской наружности. Этот был белобрыс, наверное, чуть больше метра семидесяти ростом, со скуластым, немного вытянутым лицом и серыми глазами. Подойдя к нему, я внимательно его осмотрел и, присев перед ним на корточки, поинтересовался:

– Ну что, может, поговорим, а то ворвались ночью, ни слова, ни полслова, даже здрасте не сказали. – Те, кто сидел возле костра, да и сам пленный, были удивлены началом разговора. Но все же он отвернулся от меня, давая понять, что не намерен разговаривать.

– Ты, конечно, можешь попытаться молчать, но это тебе, кроме боли и потери кое-каких частей тела, ничего не даст. Рано или поздно ты все равно заговоришь, тогда зачем эти все жертвы? Ну, так как... поговорим?

– Что тебе надо, спрашивай, я простой воин, мало что знаю, – нехотя произнес пленник.

– Ну вот и хорошо, а то, что ты мало знаешь, так это я сам понимаю. Скажи мне, кто ты и кто тебя направил напасть на нас ночью и зачем.

– Я Марк Пастин, воин князя Урлова, это его воины и по его приказу напали на вас вечером и ночью, цель одна – убить маркиза. Все знают о разногласиях и давней вражде между семьями маркиза и князя.

– Странно, что действуете вы заодно с тонгирцами, ты можешь что-то сказать по этому поводу?

– Я не знаю, при чем здесь тонгирцы, мы действовали сами по приказу князя, об остальном надо спрашивать не меня.

– Как вы прошли охрану лагеря?

Пленный удивленно посмотрел на меня.

– Мы просто отвели им глаза.

Я посмотрел на сидевших вокруг костра и прислушивавшихся к разговору гвардейцев, и те согласно закивали. Ну что же, я узнал, что хотел, и, получив в руки кружку с горячим напитком, присел у костра, попросив кого-нибудь передать то, что сказал Марк Пастин, маркизу.

На кострах уже готовили утреннюю похлебку, первые лучи солнца окрасили небо, начался новый день. Получив миску с утренним завтраком, я быстро его проглотил и, оседлав коня, был готов к движению.

До столицы было еще три дня пути, и эти дни, по всей вероятности, будут очень напряженными и, может, даже окрашены кровью и болью. Действуют ли наши враги заодно или отдельно друг от друга, не имеет значения, от своих планов они вряд ли откажутся.

Движение наше замедлилось, но зато увеличились охранные действия, гвардейцы шапали впереди и сзади движения, прочесывали опушку леса. Наконец часа через четыре после начала движения мы достигли постоянного двора, до которого не успели доехать вчера. Решили остановиться до завтрашнего дня, отдохнуть и привести себя в порядок.

Маркиз с сестрой и внучкой заселились в комнаты, на этаже установили пост, там же поселили и раненых, ну а мне и гвардейцам предложили сеновал под навесом или ночевку в палатках.

Постоялый двор был небольшой, и поэтому готовил еду он только на аристократов и раненых, а всем остальным готовить пришлось самим, единственно, что пообещали нам, это свежий хлеб. Запылали костры, запахло готовящейся пищи, народ заметно приободрился, а что еще надо служивому – это отсутствие опасности и горячая пища. Воины везде одинаковы ментально, не надо ничего загадывать наперед, сейчас главное – выполнить приказ и выжить, а все остальное потом. Так думал я там, в своем мире, думают точно так же и гвардейцы этого

мира. После обеда народ занялся каждый своим. Кто-то правил меч, кто-то зашивал прорехи на одежде и ремонтировал снаряжение. Я решил постираться и обмыться, поэтому и пошел договариваться с хозяином постоялого двора о стирке и мыльне. Хозяин был не против, но сказал, что постирать смогут только вечером, все люди заняты. А если хочу стирать сам, то пожалуйста, воды горячей сейчас принесут, и он показал, где я это все могу делать – и постираться, и вымыться.

Я, прихватив сменную одежду, в которой сюда попал, направился в мыльню, которую использовали и прачки. Проходя мимо одного из подсобных помещений, дверь которого была закрыта неплотно, я услышал тихий разговор и узнал голос говорившего. Это был Арум, второго голоса я не знал, а в щель ничего нельзя было разглядеть.

– Ты сейчас под любым предлогом мчишься в село и передаешь сотнику князя, что маркиз и сопровождающие остаются тут до утра. Если он скрытно ночью подойдет, то мы с тобой откроем ему ворота и калитку, а охрану напоим сон-травой. Потому что лучшего момента уже не будет.

Что еще они говорили, слышно не было, потому что понизили голос.

Я осторожно на цыпочках отошел от двери и вернулся в обеденный зал, хорошо, там никого не было, и я сделал вид, что только вошел.

– Эй, хозяин, – крикнул я, – ну что там с горячей водой, принесли?

– Носят, сеньор, можете идти стирать, – ответил тот, выходя из кухни и вытирая руки передником.

– Пусть кто-то из слуг отнесет туда одежду, а мне надо подняться к маркизу.

– Хорошо, сеньор, оставьте одежду тут.

Я положил одежду на лавку и поднялся по лестнице, ведущей на второй этаж. У лестницы на втором этаже сидели на стульях два гвардейца, увидев меня, даже не пошевелились. Я, конечно, понимаю, что устали ребята, но и так охранять – это не дело. Но лезть с указаниями я не собирался, своих забот хватает.

Подошел к двери, постучал и, услышав ответ, вошел в комнату, плотно закрыв за собой дверь. Маркиз рассматривал какой-то свиток и, увидев меня, отложил его в сторону.

– Что ты хотел, Серж? – спросил он, устало потерев лицо. Я подошел к столу, присел без приглашения на стоявший рядом стул и принялся рассказывать, что слышал. Когда закончил рассказ, маркиз вскочил и забежал по комнате.

– Вот же подлец, – повторял он, потом остановился и уставился на меня. – Что ты думаешь?

Я пожал плечами.

– Есть несколько вариантов решения проблемы, могу перечислить.

– Давай, я слушаю, – маркиз наконец присел напротив меня и приготовился слушать.

– Мы делаем вид, что ничего не произошло, и, как только стемнеет, закрываем ворота и хватаем Арума, через него выходим на второго или сколько их тут есть. У них должен быть какой-то знак, чтобы просигналить, что все идет по плану и можно начинать атаку. Подадим этот знак и, подготовившись, встретим неприятеля здесь. В этом есть изъян – мы не знаем количество противника. А нас довольно мало. Второй вариант – берем Арума и узнаем у него все, что знает, после чего вяжем посыльного, когда появится. Когда стемнеет, осторожно выезжаем, оставив карету на постоялом дворе, тихо и скрытно верхами уходим в сторону столицы. Тут тоже несколько вариантов, движемся по дороге ночью, а потом днем спим в лесу, или так же, как и раньше, только едем верхом. Конечно, с ребенком верхом добираться сложнее, но, думаю, все равно возможно.

Маркиз задумался, снова начал бегать по комнате, потом, открыв дверь, приказал позвать командира гвардейцев и хозяина постоялого двора.

Когда те пришли, мне снова пришлось повторить рассказ, командир гвардейцев реагировал очень резко, готов был тут же бежать и резать предателя. А вот хозяин постоянного двора был более рассудителен, он упомянул, что есть подземный тайный ход, который выходит в овраг в ста метрах от двора. А также он знает курьера, потому что буквально только что у него работник, взяв телегу, отправился за свежей зеленью и молоком для внучки маркиза. Причем предложил это сам, заявив, что молоко на леднике скисло. Решили все-таки, как стемнеет, ехать верхом и направляться по дороге в город Матенбург, который был у нас по пути движения, там набрать еще охраны или вызвать гвардейцев из столицы, до которой оставалось даже меньше дневного перехода.

Когда командир и хозяин ушли, я предложил маркизу порыскать по округе, потому что обязательно после возврата курьера будут наблюдатели. Маркиз дал добро и предложил выпустить меня через подземный ход. Я экипировался, взял мечи, сюрикены, свой нож и пистолет – его использовать буду только в крайнем случае. Хозяин постоянного двора провел меня в погреб, там отодвинул одну из бочек и повернул рычаг, скрывавшийся за ней. Один угол погреба треснул, и часть стены отошла в сторону, открылся проход; он взял факел, торчавший в стене, и зажег его от свечи. Затем махнул мне рукой, увлекая за собой, и мы отправились по проходу.

Глава шестая

Подземный ход был довольно просторным, даже я шел не пригибаясь, а по ширине можно было идти двум человекам, стены и свод были выложены камнем, воздух был немного затхлый и местами было много паутины. Метров через сто мы наконец уперлись в дверь выхода, и хозяин постоянного двора, передав факел мне, стал открывать дверь. Все это он делал аккуратно и тихо, дверь тоже открылась без скрипа, видно, за ней следили и тщательно смазывали навесы. В подземелье проник солнечный свет, на расстоянии полуметра от двери рос огромный куст, который полностью закрывал вход в подземелье.

– Я не буду закрывать дверь, тебе лучше будет вернуться так же, по возвращении найдешь меня, я все закрою как положено. Будь осторожен и аккуратен, чтобы не засветить вход.

С этими словами он прикрыл дверь, а я присел и стал прислушиваться. Но все было тихо, и я, раздвинув ветки, осторожно выбрался наружу и огляделся. Выход был сделан в небольшом каменном массиве, выходящем из земли, все вокруг заросло деревьями, кустарником и довольно высокой травой.

Еще перед выходом я осмотрел территорию и пришел к выводу, что наблюдать можно незамеченным только отсюда. Лес был довольно далеко, а остальная территория – это дорога и поле вокруг постоянного двора. Осмотревшись и сориентировавшись, решил немного обследовать овраг и стал осторожно передвигаться от куста к кусту. Нашел приемлемое место для наблюдения за постоянным двором и спрятался в растущих вблизи кустах.

Где-то через час услышал конский топот, а затем негромкий разговор, разговаривало несколько человек.

– Лимар, стреножишь коней и оставайся при них, и смотри мне, не вздумай спать, шкуру спущу.

В ответ раздалось какое-то бухтение, но я не разобрал. Осторожно раздвинув ветки, стал всматриваться в то место, откуда слышались звуки, но ничего не было видно из-за растущих кустов и деревьев. Наконец в поле зрения появились два воина в кольчугах и шлемах, напоминающих кабассет. Устроились они примерно там, где я и предполагал. Я их не видел, от меня они были скрыты кустами, но и меня невозможно было заметить с их стороны. Просидев где-то с час, я осторожно выбрался из кустов и отправился навестить того, кто остался с конями.

Парень мирно похрапывал под кустом, невзирая на предупреждение, я его тихо толкнул и, когда он открыл глаза, ударил ножом в сердце, одновременно зажимая ему рот. Дождавшись, пока прекратятся судороги, вытащил нож, отер о его штаны и двинулся в обратный путь.

На полпути к месту, где сидели наблюдатели, я услышал шаги и попытался спрятаться в траве у небольшого чахлого деревца. Но все оказалось бесполезно, этот гад пер прямо на меня, правда, он меня не видел, пока я не встал в полный рост. Вначале он даже вздрогнул и отступил от неожиданности, но увидев, что на мне нет никакой брони, лишь серая футболка с коротким рукавом, посчитал меня легкой добычей и даже улыбнулся, вынимая из ножен меч.

Растягивать схватку мне было невыгодно, и я тоже вынул из ножен мечи и шагнул ему навстречу. Наверное, он не ожидал того, что произойдет дальше, поэтому ударил первый и без изысков. Я заблокировал его меч, а вторым ударил по ноге, выглядывающей из-под кольчужной юбки. Раздался вой от боли разрубленной ноги.

– Изам, что там такое? – раздался взволнованный голос третьего. Я не стал ни выдумывать, ни затягивать, ударил этого Изама по шее, почти перерубив ее, и бросился бежать к третьему. Тот тоже вылетел мне навстречу уже с мечом в руке и не бросился, как предыдущий, в атаку, а стал ждать, что сделаю я.

– Может, сдашься? – предложил ему я. – Останешься жить.

– Останусь, конечно, это тебе не сзади нападать, – он предположил, что я напал на его напарника сзади, его тоже подкупило отсутствие на мне даже кожаной рубахи.

– Ну, как хочешь. – И я первый сделал выпад. Парень отбил мой удар, а от второго меча попытался отскочить назад, но запнулся и упал. Я наступил ногой на руку, державшую меч, и поднес к его горлу свой.

– Я же говорил, сдавайся, что ответишь сейчас?

– Да пошел ты! – И он попытался вытащить кинжал и ударить им в ногу, стоявшую на его руке.

– Как хочешь, – проговорил я, протыкая ему горло. Собрав оружие, брони и оседлав коней, решил нарушить договоренность и, объехав овраг, поскакал к воротам постоянного двора.

У ворот спешился и спокойно завел коней и зашел сам, огляделся, но Арума нигде не увидел. Гвардейцев, что стояли на воротах, попросил закрыть ворота и никого не выпускать, если они хотят, то через несколько минут им скажет это и маркиз, как только я до него дойду. Видя, что со мной несколько чужих коней и чужое оружие, они без разговоров закрыли ворота.

– Не знаете, где Арум? – спросил я, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Его маркиз вместе с сержантом вызвал к себе, и что-то давно их нет, – ответил мне один из гвардейцев.

– Присмотрите за животными, – кивнул я на коней и пошел к зданию. В обеденном зале хозяин протирал кружки и о чем-то беседовал с подавальщицей. Я ему кивнул и поднялся на второй этаж, услышав, как хозяин сказал ей, что пойдет посмотреть, что из мясного еще есть на леднике.

Гвардейцы уже не просто сидели, а топтались у лестницы и остановили меня, попросив подождать. Один постучал в дверь комнаты маркиза и, получив указания, показал второму, что меня можно пропустить.

В комнате маркиза находились командир гвардейцев, сам маркиз, Арум – связанный и с кляпом во рту – и какой-то плюгавенький мужичок с огромным фингалом под глазом, также связанный и с кляпом.

– Ну что? – спросил маркиз, как только я переступил порог комнаты.

– Было трое наблюдателей, кони и оружие их во дворе, – доложил я. – А эти чего еще живые? – спросил я и подмигнул.

– Да вот тебя ждем, – ответил маркиз.

– С кого начнем? – кровожадно улыбаясь, добавил командир гвардейцев.

– Да с кого угодно, только давай пока одного за дверь вытащим, а со вторым поговорим, – предложил я, – а лучше вообще их в сарай перетащить, и мало кто что видеть будет, и хозяина не подставим. Раненых-то тут придется оставить. А вообще сами решайте, вам видней.

– А как их вытащить, чтобы не видели? – удивился маркиз.

– Сейчас покажу, – сдергивая с кровати покрывало, сказал я и принялся заворачивать в него Арума.

– Иди глянь, чтобы никто из obsługi не попался мне навстречу, – попросил я командира, взваливая куль с Арумом на плечо. В общем, перенес я агентов неприятеля в конюшню, рассадил их подальше друг от друга, первым вытащил кляп у мужичка, тот сразу же, захлебываясь, принялся мне отвечать на все вопросы. Что воинов княжеских всего-то два десятка осталось и что их командир очень уж сомневался нападать сегодня ночью. Согласился, лишь когда узнал, что сонного зелья в котел за ужином подсыплют да ворота откроют. Оказалось, у них очень много раненых, и он ждет подкрепление, за которым послал гонца к князю. Я похлопал мужичка по плечу и, схватив за голову, резко крутанул, ломая позвонки. Хрустнуло, и я опустил тело на землю, за спиной командир гвардейцев шумно сглотнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.